МОЙ УСТЬ-КАМЧАТСК

Сергей ВАХРИН

Вступление 4

Глава первая.
Витя Кузнецов 7

Глава вторая.
Чужая земля 18

Глава третья.
Родники 24

Глава четвертая.
Усть-Приморск 36

Глава пятая.
Дембы 46

Глава шестая.
Рыбоохрана 56

Глава седьмая.
Корреспондент 67

Глава восьмая.
Я родом из Японии 78

Глава девятая.
Земляки 87

Послесловие 89

ВСТУПЛЕНИЕ

Я покинул свою Малую Родину в 1971 году, то есть более полувека назад. И Усть-Камчатск — не место моего появления на свет. Я родился в Тиличиках — столице Олюторского района Корякского национального округа, а первые годы моего детства прошли в селе Вывенка, где отец мой — Иван Григорьевич Вахрин — был парторгом рыболовецкого и оленеводческого колхоза имени В.И. Ленина.

И знать не знал, и ведать я тогда не ведал, какими незримыми, но мощными корнями, привязан я к этой земле в долине древней реки Уйкоаль — Камчатки, от былого названия которой осталось лишь мое детское воспоминание, связанное с небольшим притоком в предустьевой части Камчатки — рекой Юколкой — нашим семейным местом по весеннему сбору черемши и осеннему сбору морошки.

О Вывенке в нашей семье остались самые добрые воспоминания. Я помню, с каким приподнятым чувством отец называл фамилии коряков Мулитки и Ахайми — в то время людей весьма знатных. Василий Васильевич Ахайми — Герой Социалистического труда, знатный рыбак. Василий Петрович Мулитка, как и мой отец, участник Курильского десанта, — оленевод. Отец неделями жил среди оленеводов и рыбаков, был у них своим человеком. Я убедился в этом много лет спустя, когда в 1980-х годах побывал на своей Малой Родине в творческой командировке и встретился с местным мэром, который хорошо помнил моего отца и очень тепло о нем отзывался.

Хорошо помню наше прибытие в Усть-Камчатск летом 1959 года.

С Севера мы бежали. В буквальном смысле. Дело в том, что отец в качестве примера для подражания отдал меня в круглосуточный детский сад-интернат (были и такие), где в основном находились дети кочующих оленеводов.

Правда-неправда, но в результате этого общения у меня, по мнению местных врачей, появилось подозрение на туберкулез. И диагноз (который, кстати, не

подтвердился — или все само как-то так «рассосалось») предписывал срочно вывозить меня на юг.

Самым южным местом для моих родителей и был Усть-Камчатск, где жили мои бабушка с дедушкой по маминой линии, и бабушка — по линии отца.

И вот мы выходим из ЛИ-2, который тогда курсировал по всем камчатским авиалиниям. Аэропорт тогда находился напротив Усть-Камчатска, на другом берегу реки.

И слышу то, что меня удивило тогда. И то, что меня удивляет сегодня.

Дедушка – бабушкин сожитель Илья Павлович Пьянов, который нас встречал в аэропорту, говорит нам: «Сейчас подождем трамвая и поедем домой».

Тогда меня удивило – как это на трамвае можно поехать по реке.

Сейчас меня удивляет другое – откуда я в пятилетнем возрасте, детство которого проходило в сопках и тундре, где передвигаются на собаках и вездеходах, мог знать о том, что такое трамвай и можно ли на нем форсировать реки?

Прибыл, конечно же, речной трамвай – «Московский фестиваль» — все встало на свои места, и я вскоре ступил на землю, которая стала для меня СВЯТОЙ.

Сразу скажу, что Усть-Камчатск – понятие собирательное.

Во-первых, Усть-Камчатск, созданный в годы Советской власти – это уже не одно, а несколько поселений.

Во-вторых, в 1960- годы, когда закрывались так называемые «неперспективные» села и укрупнялись другие поселения, мой Усть-Камчатск (первый в историческом смысле и единственный, по сути, для меня) вобрал в себя большую часть жителей окрестных сел – Николаевки, Черного Яра, Березового Яра, Нижнекамчатска и Камак, а также жителей Второго (в отличие от Первого) завода.

Поэтому для меня и моего рассказа – это тоже МОЙ Усть-Камчатск, единственный и, действительно, неповторимый…

ВИТЯ КУЗНЕЦОВ

Витя Кузнецов — это мой друг детства. Человек, который и определил мою судьбу камчатского краеведа.

А так как в жизни ничего не бывает случайного — его появление в моей жизни было подарком судьбы.

Собственно, чтобы это понять, нужно было много лет прожить, многое узнать о многом подумать.

И сделать выводы.

Если очень коротко, то Виктор очень страдал от того, что он камчадал, хотя внешних причин для этого, вроде бы, и не было. Парень он был симпатичный – отец его, дядя Ганя, Гаврил Константинович, был природным камчадалом, а мама, теть Шура, — русской. Он переживал за свой маленький рост — но и я был вровень с ним, так что комплексовать, вроде как, и не было причин.

Но причины были — он влюбился в одноклассницу — и повыше, и покрупнее — которая даже и не подозревала о своем тайном воздыхателе.

А он страдал.

И вот этот его комплекс потянул одно за другое, а финал оказался трагическим — он ушел из жизни.

Было горько и обидно…

И это не проходит.

И оно заставляет посмотреть на окружающий нас мир несколько под иным углом зрения.

Сейчас поясню свою мысль, чтобы стало понятно.

Дядя Ганя Кузнецов родился и вырос в селе Камаки. Это примерно километров семьдесят от нас — вверх по реке Камчатке.

Камаки — одно из древнейших и второе в 18-м столетии по значимости из трех самых крупных поселений не только в долине реки Камчатки, но и по всему полуострову.

Самым крупным считался тогда острожек Кунупочич. Как сообщает Степан Петрович Крашенинников в «Описании земли Камчатка» в этом острожке (то есть укрепленном населенном пункте) проживало 84 охотника, которые платили ясак шкурами лисиц и 70, ко-

торые этот же ясак должны были выплачивать соболиными шкурами.

Вторым по значимости был острожек Пеучев или Шванолом — 17 «собольников» и 85 «лисичников».

А третьим по значимости… Усть-Камчатский, вождем (тойоном) которого был Тавач, — 15 «собольников» и 70 «лисичников».

Тойона острожка Кунупочич звали Начика Машурин. И впоследствии это поселение получило название Машура.

Тойона острожка Шванолом звали… Камак. И, соответственно, его именем впоследствии названо и само поселение.

Но это еще не все.

При крещении Начика Машурин получил имя Егора Васильевича Мерлина.

А Камак стал Алексеем Степановичем… Кузнецовым.

И мне сегодня удалось проследить всю родовую поколенную цепочку от Камака до моего друга Витьки — Виктора Гавриловича Кузнецова.

И история его рода напрямую связана с историей рождения моего Усть-Камчатска.

Собственно, Усть-Камчатск, как сообщает Степан Петровича Крашенинников уже существовал до даты его официального образования.

И не просто существовал — а существовал ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ, если знать о том, что древнейшая на Северо-Востоке России Ушковская стоянка первобытных людей насчитывает от десяти до пятнадцати тысяч лет проживания в здешних местах аборигенов. А Ушковское озеро расположено в той же самой долине реки Камчатки между современными селами Майским и Козыревском — это примерно километрах в 150 от Камак.

Но сразу уточним вслед за С.П. Крашенинниковым — здесь, на месте расположения будущего Усть-Камчатска, находились не постоянные жилища камчадалов, а «несколько изб, балаганов и шалашей тамошних обывателей, где живут они в летнее время для промыслу рыбы» [Издательство Главморсевпути, М-Л, 1949, с. 102].

Поэтому мы не слишком обидим аборигенов, говоря о том, что Усть-Камчатск, как поселение, был основан все-таки русскими людьми.

А вот вопрос о том, когда он НА САМОМ ДЕЛЕ был основан — предмет серьезной (и я бы даже сказал — идеологической) дискуссии.

И я не шучу. Вопрос этот очень серьезный. Принципиальный. Судьбоносный.

Но начнем не с начала, а с конца — с даты, которую «застолбила» местная администрация.

Это 1731 год.

Что произошло в тот год?

Знаменитый Харчинский бунт, когда взбунтовавшиеся камчадалы захватили, а потом сожгли Нижнекамчатский острог, откуда оставшиеся в живых нижнекамчатские казаки бежали на устье реки Камчатки и жили там пока не был выстроен уже на новом месте — на реке Радуге, — ниже по течению, чем прежний, новый Нижнекамчатский острог.

Вопрос: а почему они в 1731 году бежали именно на устье реки Камчатки, а не в Верхне-Камчатский острог — крупный населенный казачий острог в верховьях все той же реки Камчатки?

Почему именно на устье реки Камчатки они искали и нашли себе убежище?

Давайте снова обратимся к «Описанию земли Камчатки» и найдем прекрасный ответ на наш вопрос:

«На устье ее (реки Камчатка. — *С.В.*) есть ныне маяк, который построен от последней камчатской экспедиции, а верстах в трех от оного по левую сторону срублены [в рукописи зачеркнуто: четыре] казармы в одной связи для морских служителей … Неподалеку оттуда на острову реки Камчатки построена заимка Якутского Спасского монастыря [в рукописи зачеркнуто: а в ней двор житья управителям и три избы людские], да там же [в рукописи зачеркнуто: две] казармы казенные и варница, в которой соль варится из морской воды».

В одной связи с чем?

Правильно — с последней (то бишь Первой Камчатской экспедицией Витуса Беринга).

И снова обращаемся к бессмертному труду – кладезю, в том числе и невостребованной до сего дня, информации по истории нашей родной земли:

«Верстах в двух от ее устья с правою сторону по течению есть от ней три глубокие залива, которые к зимованию морским судам весьма способны и безопасны, как-то неоднократно самим опытом изведано: ибо морское судно „Гавриил“ бот называемое несколько зим там содержано было».

А первая зимовка экипажа бота «Святой Гавриил», вернувшегося из похода по поиску американских берегов, началась 3 сентября 1728 года. И маяк был построен в том же году, чтобы бот «Святой Гавриил» не прошел мимо устья реки Камчатка, возвращаясь из плавания.

То есть, Усть-Камчатск, как поселение и как новый русский порт, своим рождением целиком и полностью обязан Первой Камчатской экспедиции Витуса Беринга. И был создан специально для зимовки членов этой экспедиции и в дальнейшем, как отмечает С.П. Крашенинников, существовал уже как порт.

Первая Камчатская экспедиция имела и имеет всемирное значение. Ее изучали и изучают, о ней спорят, о ней пишут статьи, книги, защищают диссертации…

И только администрация и депутаты Усть-Камчатска плевать хотели на эту всемирную историю.

Грубо, может быть, сказано — но я лично имел беседу с этими депутатами, которые отвергли все мои доводы.

Более того — камчатские историки нашли и вручили главе администрации Усть-Камчатского района копии документов Первой Камчатской экспедиции.

Но и на эти документы местное начальство отреагировало с той же нуклонной определенностью — плевать мы хотели…

И вопрос сегодня стоит уже по-другому: а позволим ли мы, жители Камчатки, уроженцы и старожилы Усть-Камчатска, столь невежественно, если не цинично, относиться к истории нашей Родины.

И я возвращаюсь к событиям Харчинского бунта.

Когда говорят об известной пословице о том, что привычнее видеть соринку в чужом глазу, чем бревно

в собственном, я хотел бы внести свои коррективы. В обывательской жизни это, действительно, имеет место быть, так как сказано.

А вот в идеологическом смысле чаще происходит наоборот: мы песчинкам событий в отечественной истории порой придаем значение этих самых бревен, которые давят наше собственное историческое сознание, преображая критику и самокритику в национальное самоунижение…

О Харчинском бунте написано множество работ. Даже Александр Сергеевич Пушкин собирался создавать нечто, вполне возможно, похожее на Пугачевский бунт. Накануне своей трагической гибели он делал подробные выписки из «Описания земли Камчатки» …

Мы не знаем, о чем думал Александр Сергеевич, размышляя над этой книгой о далекой нашей земле: «Камчатка — страна печальная, гористая, влажная…»

Ключевое слово — печальная.

Как и печальны события, связанные с Харчинским бунтом.

Но так ли на самом деле все было, как мы думаем, привычным уже образом чуть ли автоматически превращая наших соотечественников — а для кого-то предков — в казаков-разбойников, отпетых негодяев, на которых позорного клейма ставить уже негде…

Но если, как Вию в гоголевской сказке, поднять нам веки, чтобы прозреть и ясным уже взором увидеть то, что было, то бревно исчезнет, хотя песчинки, наверное, все равно останутся.

Но пока ваш Вий дремлет, я хочу задать простые вопросы, на которые сам уже получил ответы.

Какие из трех крупнейших населенных пунктов аборигенов долины реки Камчатки, о которых мы говорили выше, поддержали Харчинский бунт, который характеризуется как всеобщий?

Какими мерами — словами, действиями — привлекали восставшие аборигены собственных своих земляков для участия в этом бунте?

Как погиб один из главных руководителей этого бунта — дядя Харчина тойон Голгочь?

И что произошло с его первым руководителем — самим Федором Харчиным?

Ответы.

Ни один из крупнейших острогов аборигенов — Машурин, Камаки, Усть-Камчатск — не поддержал Харчинский бунт.

Федор Харчин и его дядя Голгоч, чтобы заставить своих земляков принять участие в бунте УБИВАЛИ их вождей.

Голгоча, как разбойника (именно это слово употребили машуринские камчадалы Мерлины, рассказывая Карлу фон Дитмару о славной истории своего предка), убил Начика Машурин.

А Федора Харчина сдал казакам его родной брат.

Не изменилась у вас привычная картина этого бунта?

И вот это кровавое событие, когда взбунтовавшиеся камчадалы реки Еловки убивали русских детей, насиловали и убивали казачьих жен, казнили своих земляков, не желавших участвовать в этом побоище, а потом камчатские казаки вместе с матросами бота «Святой Гавриил» проводили не менее кровавую карательную экспедицию, закончившуюся тем, что наряду с главарями бунтовщиком были повешены и их каратели, стало отправной точкой для ТОРЖЕСТВА — объявленного официального года основания Усть-Камчатска.

И я НИКОГДА с этим не соглашусь…

А мы продолжим историю потомков тойона Камака — Стефана Алексеева сына Кузнецова.

Через сорок лет на Камчатке новый — теперь уже Большерецкий — бунт. Еще более знаменитый, нежели Харчинский. О нем писали и пишут по сей день не только в России, но и во многих странах мира.

Его предводитель — национальный герой во многих странах.

Об этих событиях пишут романы, им посвящают поэмы, снимают фильмы…

Чем же так взволновал Большерецкий бунт жителей столь многих стран?

Собственно, сам бунт никакой ценности для них не представлял — бунт, как бунт, мало ли их происходит в любой стране.

Интерес был в личности его предводителя — величайшего авантюриста мира Августа Морица Беньев-

ского, который написал в духе барона Мюнхгаузена свои мемуары, в которых он разве что, как и барон, верхом на ядре не летал…

Но и похвастать было чем — навел «шороху» в России, на века перепугал Японию русской угрозой, обстрелял Формозу (Тайвань), совершил выгодную сделку в Китае, а добравшись до Франции предложил колонизировать Формозу, но сговорились на колонизации Мадагаскара, где наш герой и погиб впоследствии в схватке с… французами…

О нем можно много чего рассказать, но сегодня он не наш герой.

В принципе, о нем написано уже так много, что авторы запутались в реалиях и фантазиях, перемешав действительное с выдуманным.

Кстати, и на Камчатке весьма успешно этой историей занимался Леонид Михайлович Пасенюк, где и скрестились наши с ним литературные интересы и возникла творческая дружба — именно он первым рекомендовал меня в писатели, о чем я расскажу позже.

Почему я сам занялся темой Большерецкого бунта, когда, вроде как, она уже была занята маститым, известным на весь Советский Союз, писателем?

Потому что, в отличие от большинства, кто писал о Беньевском, меня как раз меньше всего интересовала эта личность. А вот семьдесят с лишним человек, которые стали членами экипажа мятежного галиота «Святой Петр», и по воле или неволе бежали с Беньевским, меня интересовали куда больше.

Среди них были камчатские политические ссыльные — участники дворцовых переворотов.

Члены экипажей отечественных судов — штурман, штурманские ученики, рядовые матросы и матросы из казаков и ссыльных.

Большой отряд составляли промышленные люди из разных городов России с промыслового судна тотемского купца Холодилова.

А также алеуты, коряки и… камчадалы.

Среди последних был Яков Кузнецов, камаковский камчадал.

Он попал в число бунтарей вместе с промышленниками купца Холодилова. Дело в том, что использова-

ние камчадалов на промыслах в Америке было очень выгодно – платили им в два раза меньше (практика и советского периода), а погибало их от голода и цинги гораздо меньше, чем менее стойких к суровым условиям Алеутских островов или Аляски европейцев.

Администрация Камчатки охотно шла на такие сделки, отпуская на промыслы камчадалов, так как купцы заранее вносили ясак за каждого взятого в «вояж» камчадала, и администрация также получала свой куш либо в доли, либо во взятке, что, по сути, было одно и то же.

В 1990 году всемирно известный журнал «Вокруг света» в двух номерах публикует мой большой исторический очерк «Экипаж мятежного галиота». «Всемирно» — это не потому, что я в нем опубликовался, а потому, что впоследствии пришел отклик на мою публикацию из-за границы.

Но все по порядку.

Вот глава про Якова Кузнецова

Среди промышленников, примкнувших к заговору, было и несколько камчадалов. Чем же их-то смог привлечь Беньевский? Землей Стеллера? Едва ли камчадалы шли на промыслы по воле своих старшин-тойонов да камчатского начальства, которое получало в казну ясак за каждого камчадала-промышленника на несколько лет вперед от купцов-нанимателей, да еще сверх ясака в собственный карман изрядный куш, а камчадалы потом отрабатывали за все купцу, получая половину заработанного, которая полностью уходила на пропитание, лопотинку-одежонку, обувку и долги семьи, которые накопились за годы отсутствия кормильца. Так что вряд ли смогли бы привлечь камчадалов сказки о земле Стеллера. Но они могли поверить в другое — в то, во что верили Степанов и Панов, — в существование островов, где люди живут свободно и счастливо, не ведая наказания и страха, нищеты и голода. Почему я так уверен в этом? Да потому, что среди камчадалов-заговорщиков был один, кому кое-что могло быть известно о возможности существования таких островов. Это Яков Кузнецов, камчадал из Камаковского острожка на реке Камчатке. Когда-то этот острожек звали Пеучев или Шванолом,

но позже его прозвали Камаков по имени вождя Камака, примкнувшего (информация оказалась ложной — *С.В.*) к антихристианскому восстанию ительменов и коряков, которое подняли в 1746 году братья-камчадалы Алексей и Иван Лазуковы. После крещения Камак получил новое имя: теперь его все звали Степан Кузнецов. Об Алексее Лазукове, предводителе восстания, ходили потом нехорошие слухи. Он с корякскими вождями Умьевушкой и Ивашкой перебили ясашных сборщиков в острожке Юмтином, который потом, после расправы над бунтарями, станет называться Дранкой. Собирался он напасть и на Нижнекамчатский острог, где располагалась партия миссионеров архимандрита Иоасафа Хотунцевского, насильно крестивших камчадалов и коряков. Вожди сговорились выступить в один день двумя отрядами — один по морскому берегу, другой по долине — и, объединившись, взять приступом острог. Но в самый последний момент случилось непредвиденное — Алексей и Иван Лазуковы пришли в Нижнекамчатск и добровольно сдались властям. Их расстреляли. Но о предательстве Лазукова долго еще говорили русские, камчадалы и коряки. Слишком уж хорошо все они знали Алексея — человека необыкновенного мужества, честного и справедливого. А всему виной были эти самые острова. В 1741 году Алексей Лазуков пошел в море на казенном пакетботе «Святой Петр», побывал у берегов Америки, высаживался на Шумагинских островах и пытался разговаривать — он был толмачом на судне — с аборигенами-американцами, которые признали его за своего и даже не хотели отпускать. В декабре экипаж пакетбота 50 высадился на необитаемый остров. Чтобы выжить, каждый из экипажа, будь то офицер или простой толмач, должны были отказаться от всего того, что разделяло их в обычной жизни — от чинов, привилегий, чувств национального превосходства и сословных прав... И они выжили. Скроили из остатков пакетбота гукор и вернулись назад на Камчатку... Месяцы, проведенные на Командорском острове, Лазуков, должно быть, вспоминал очень часто. Эту счастливую историю передавали из уст в уста. Пережитое на островах чувство братства осчастливило и погубило

Алексея Лазукова — не смог он повернуть оружие против тех, кто открыл ему новое понимание жизни, потому и предпочел он сдаться, зная, что не будет прощен ни палачом Хотунцевским, ни братьями своими по оружию и крови, которых он предал ради других своих братьев — по духу... Такая вот история. И ее должен был знать Яков Кузнецов. Может быть, потому он и отправился в дальние края, чтобы найти такой же остров и устроить на нем такую же счастливую жизнь, какая явилась Лазукову... Свой остров Яков Кузнецов найдет у африканских берегов: больного камчадала оставят в госпитале на Маврикии. С ним останутся такие же больные — камчадал Сидор Красильников и промышленники Козьма Облупин, Андрей Оборин и Михаил Чулошников. До Франции доберется потом только Облупин. Что стало с остальными — неизвестно. Но если заглянуть в справочники и узнать, насколько счастливой была жизнь в те времена на Маврикии, то выяснится, что 10 процентов населения острова составляли белые господа, 6 процентов — свободные люди разных национальностей, а остальные проценты приходились на долю рабов-африканцев. Не было, оказывается, ни в одном из двух пройденных ими океанов той земли, на которой можно было бы счастливо жить, не страдая и не печалясь... Не отыскалось такого острова и в третьем — Атлантическом океане. На кладбище Лурианского госпиталя остался навсегда камчадал Ефрем Трапезников. А Прокопий Попов, добравшись наконец до Европы, пошел пешком в Париж, чтобы добиться разрешения вернуться на родину...».

Впоследствии журнал «Вокруг света» (1991, № 12) опубликовал еще и статью польского историка Эдварда Кайданьского, в которой он меня поправляет: оказывается, камаковский камчадал Яков Кузнецов не только поправился в Лурианском госпитале, не только самостоятельно добрался до Франции, но и отправился на Мадагаскар:

«Вторая группа волонтеров отправляется на Ильде-Франс тремя месяцами позже на корабле „Лаверди“, на том самом, на котором мятежники прибыли из Макао в Лорьян. Кроме четы Хрущевых на нем поплывут Андрей Казаков, Тимофей Семяченков, Ан-

дреи Оборин, промышленник Москалев, камчадал Яков Кузнецов и два ссыльных поляка — Урбановский и Войнович, имена которых, к сожалению, не сохранились. Из всей этой группы только Урбановский будет несколько раз фигурировать в документах и в мемуарах как инженер, занятый при строительстве фортов на Мадагаскаре».

Разумеется, ни я, ни тем более, мой друг Витя Кузнецов, ровным счетом ничего не знали ни о Камаке, ни о камаковском путешественнике Якове, ни о чем другом, связанном с историей нашей земли.

Ни тогда, в светлое советское время, ни сейчас, в период патриотического ренессанса, историю нашей родной земли не преподавали в школах, обходясь общими рассуждениями о любви к Родине ВООБЩЕ.

Не понимая главного: земля без прошлого — это ЧУЖАЯ земля…

Когда же мы потеряли это очень важное для настоящих (а не квасных) патриотов чувство сопричастности к прошлому, настоящему и будущему своей Родины, особенно Малой родины, взрастившей нас?

Я помню, как еще в конце 1980-х годов краевед-энтузиаст Виктор Борисов создавал районный краеведческий музей, который вскоре стал никому там не нужным...

А ведь Усть-Камчатск — это кладезь уникальной истории.

Не поверите, но в далекой Вологодской области, в маленьком городе Тотьма, население которого по данным 2023 года составляет 8647 человек, есть единственный в России Музей мореходов, который полностью посвящен подвигам российских аргонавтов, совершавших промысловые «вояжи» с Камчатки в Русскую Америку.

Именно отсюда, из Нижнекамчатского острога через устье реки Камчатки, повел камчатский казак мореход Евтихий Санников первое русское промысловое судно к Командорским островам, а вслед за ним пошли все новые и новые суда уже к берегам Русской Америки.

Памятники и музеи Святителя Иннокентия, апостола Сибири и Америки, епископа Камчатского, Курильского и Алеутского, есть на его родине в селе Амга, в Иркутске, Якутске, Благовещенске, даже в Магадане, где епископ, разумеется, никогда не был, но где в золотой стопе в соборе хранится частица мощей Святителя...

Ни памятника, ни, тем более, музея Святителя Иннокентия, главы Камчатской епархии, НЕТ ТОЛЬКО на Камчатке, где он неоднократно бывал и откуда черпал кадры священно- и церковнослужителей для всей епархии и камчатские Никифоровы, Сновидовы, Коллеговы, Логиновы, Лонгиновы, Петрологиновы, Верещагины, Черных, Лазаревы, Шишкины рассыпались по всей дальневосточной земле, оставляя повсеместно свои родовые всходы.

Последним священником Нижнекамчатской Успенской церкви, в приходе которого находился и Усть-Камчатск, был Геронтий Васильевич Коллегов.

История рода этих священников имеет самое что ни есть прямое отношение к теме нашего рассказа.

И мы снова вернемся к событиям, связанными с Харчинским бунтом 1731 года.

В числе вождей этого бунта был и тойон Каменного острожка Лыкоч (или Люкочь). Он участвовал в захвате, а потом и сожжении Нижнекамчатского острога и единственной в то время на Камчатке приходской церкви во имя Николая Угодника.

Проходят годы. Выносятся смертные приговоры. По какой-то причине наказание обходит Лыкоча. Затем он становится тойоном Ключевского острожка, где строится новая — теперь уже Троицкая — церковь, а Лыкоч... впрочем, дадим слово авторитетнейшему в этой области человеку протопопу камчатскому Прокопию Громову — автору «Историко-статистическом описании камчатских церквей»:

«После первого ключевского священника Максима, внука иеромонаха Иосифа Лазарева, вторым священником был Григорий Коллегов. Отец его природный Камчадал, Тойон ключевского острожка Лыкоч, в крещении наименованный Никитою Евдокимовым Коллеговым, сделался за смышленность свою любимцем архимандрита Хотунцевского и был первым церковным старостою при начальной ключевской церкви. Григорий поступил в 1760 году пономарем к сей же церкви, а в 1777 году 7 января рукоположен иркутским епископом Михаилом I во священника. Скончался 27 февраля 1797 года. Место умершего занял сын его Михаил, рукоположенный во священника 21 апреля 1799 года иркутским епископом Вениамином. За пастырские труды Михаил был впоследствии украшен наперсным крестом. А в 1842 году преосвященным камчатским Иннокентием, совершавшим первое служение в ключевской церкви 15 декабря, — как в воздаяние заслуг, так и в ознаменование дня открытия камчатской епархии, Михаил почтен саном протоиерея. Скончался в сентябре 1852 года. Место его место занял сын его Илья. И уже один из внуков его

Михаил священствует на Камчатке. Только род Коллеговых чисто камчадальский упрочился на служении церкви».

Забегая вперед, скажем, что священник Константин Коллегов, родной брат Михаила-внука, был первым официальным священником Хабаровки (будущего города Хабаровск) и проводил службу тогда еще в солдатской казарме.

Вот она — ИСТОРИЯ! История жизни — сложная, противоречивая, но такая, как есть…

Успенская Нижнекамчатская церковь…

Я впервые увидел ее в 1992 году. Зрелище ужасное — дырявая крыша, вышибленная стена, проломленный пол… Кресты сбили еще в период зарождения комсомола Камчатки.

Из церкви сделали сначала клуб, потом склад и даже что-то типа гаража, почему потребовалось выломать стену…

В 1968 году Нижнекамчатск был исключен из списков населенных пунктов Камчатской области. Село обезлюдело. Исчезли практически все строения, кроме этой церкви.

Если исходить из данных Прокопия Громова, а он не просто знал, о чем писал — он был управляющим камчатскими церквями, то последняя история церкви такова:

«Давно уже была замечена опасность для Нижнекамчатска от разлития рек Радуги и Камчатки, и опасность эта особенно стала угрожать в 1825 году подмытием храма Успенского. Малолюдные, и от разных причин обедневшие, прихожане усоветовали, и получили разрешение, обе церкви Успенскую и пришедшую в полную ветхость Николаевскую разобрать, и из годного леса соорудить один храм во имя успения Божией матери, и поставить его на возвышении над р. Радугою. Сей новый храм освящен протоиереем Никифоровым 15 мая 1827 года. К нему начали из подгорья переселяться и жители. В 1841 году нашлась возможность поставить отдельно от церкви колокольню, которая придала лучший вид нагорному храму». [Историко-статистическое описание камчатских церквей, Спб, 1862].

В 1846 году епископ Камчатский Иннокентий Вениаминов определял дальнейшую судьбу этой церкви. И вот вердикт, который он вынес:

«Церковь здешняя, по малочисленности прихожан и близости, и удобству сообщения с ближайшей церковью может быть упразднена, и прихожане могут быть причислены к Ключевской церкви, находящейся от Нижнекамчатска в 84 верстах (расстояник по-здешнему очень небольшое). Причислением сего прихода к Ключевскому тамошний приход (состоящий ныне из 540 душ) будет состоять только из 790 душ всякого возраста и пола, из коих 330 душ будут находиться при самой Ключевской церкви. Но поелику 1) Нижнекамчатская церквоь по времени существования есть первая из всех церквей Камчатской епархии, 2) здесь первоначально имели свое пребывание архимандриты-0миссионеры и 3) здесь когда-то была пустынь под управлением, как говорят, игумена; а потому она как памятник начала христианства в Камчатской епархии и, следовательно, милости и благости Божией, может быть оставлена неупраздненной, несмотря на малочисленность прихожан».

«…памятник начала христианства в Камчатской епархии…» стоял без окон, без дверей и крестов среди заброшенного поселка, от которого ничего более не осталось.

Каким духовным ветром забросило меня тогда в Нижнекамчатск?

Понятно, что не без влияния еще одного моего друга писателя Николая Леонидовича Бушнева, который первым увидел эту историческую реликвию и привлек мое внимание к ней.

Вопрос в другом — почему не опустились руки? Что заставило почувствовать ответственность за судьбу того, что уже и срубом назвать было нельзя? И. вроде как, повел кто-то — и к нужным людям, и в самые высокие инстанции…

Судьба свела с иеромонахом Иннокентием — прямым потомком Святителя, с которым мы подготовили (от его имени) обращение о восстановлении Успенской церкви — колыбели русского православия на Северо-и Дальнем Востоке России и в Русской Америке. И на него откликнулись…

Чуть позже — начальник управления культуры Камчатской области Ольга Павловна Кубышкина пригласила меня своим заместителем по вопросам, связанным с культурно-историческим наследием.

А дальше еще интереснее. Об этом мне, спустя годы, рассказала моя землячка — потомок устькамчатских Добровольских Виктория Владимировна Добронравова, которая в те годы была не просто областным депутатом, а командовала бюджетным Комитетом и все перед ней тогда в правительстве области ходили, что называется на «цырлах», вымаливая у непреклонной и суровой дамы лишнюю копеечку для своих бюджетных учреждений.

И, оказывается, как она рассказала, зная о том, что я собираю с мира по нитке не только на восстановление Успенской церкви, но и на проведение праздника «250-летия с начала промыслового освоения россиянами Русской Америки», которое и должно было ознаменоваться освящением восстановленной церкви, губернатор Владимир Афанасьевич Бирюков попросил (приказать он не мог) Викторию Владимировну на сие мероприятие денег из бюджета не выделять.

Владимира Афанасьевича Бирюкова, губернатора, понимаю — это был 1993 год, когда все рушилось, ломалось, низвергалось — а тут какой-то непонятный юбилей.

Правда, и здесь мне повезло — Борис Петрович Синченко, заместитель губернатора, подписал приказ о создании историко-культурного центра «Нижнекамчатский острог» с финансированием из областного бюджета — то есть мы создали орган по сохранению памятника истории и культуры — Нижнекамчатской Успенской церкви.

И вот самое главное — из Москвы, из Правительства, за подписью премьер-министра Виктора Черномырдина приходит Постановление о… проведении мероприятий, посвященных 250-летию с начала промыслового освоения россиянами Русской Америки.

То есть чья-то рука (естественно, не моя) дотянулась и до Москвы.

12 августа 1993 года камчатский священник отец Ярослав Левко со своим коллегой — священником с

острова Атту из группы Ближних Алеутских островов, заново освятив восстановленную церковь Успения Пресвятой Богородицы, в течение короткого времени с самого раннего утра и до начала торжественной церемонии по случаю юбилея, успели совершить обряд крещения для нескольких СОТЕН жителей Усть-Камчатского района (съехались со всех окрестных сел – лодки стояли впритык к берегу на расстоянии сотен метров) и прибывших вместе с ними гостей из разных мест, и не только камчатских.

Везло мне тогда невероятно. Спустя 25 лет никто, кроме меня одного, даже не вспомнил об очередном юбилее — и времена, и нравы были уже другие. А главное — везение кончилось…

Но церковь, Слава Богу, стоит. Это сегодня памятник истории и культуры XIX века.

Но музея истории христианства, как не было, так и нет.

Как нет музея Первой Камчатской экспедиции.

Как нет, по образцу тотемского, Музея русских мореходов.

Нет ничего…

Нет даже дороги к ХРАМУ…

РОДНИКИ

Ро́дники — с ударением на первый слог, значит по-камчальски родные люди, родственники.

Моя бабушка родилась на Камчатке в 1909 году. Она из семьи староверов-молокан, рано осталась сиротой, росла с меньшим братом Степаном, в девчонках влюбилась в местного казака и родила сына.

Если бы не тетя Катя Радионова, жена знаменитого устькамчатского охотника, орденоносца Михаила Тихоновича Радионова, которая раскрыла краеведу Виктору Борисову некоторые секреты нашей семьи, то я бы, наверное, никогда бы и не узнал о причинах тесной дружбы Екатерины Константиновны и моей бабушки Ульяны Демьяновны и своей собственной некой сопричастности к единой общекамчатской семье коренных камчадалов и камчадалов русской крови – старожилов нашего полуострова — казаков, крестьян, священнослужителей и мещан (жителей городов Нижнекамчатска и Петропавловска).

Отцом ребенка — моего старшего дяди Пети — был казак Александр Александрович Поляков.

Наличие такой фамилии на Камчатке зафиксировал еще вездесущий С.П. Крашенинников: «Козткрог острожек, на правом берегу Камчатки, от Чачагычя в одной версте, строения в нем одна юрта, 5 балаганов, да один балаган служивого Полякова. Ясашных иноземцов 6 человек, в том числе 4 собольника, тойон Халечь».

Вероятно, это было место для заготовки рыбы казака Лаврентия Полякова, который в 1720 году находился в Якутске в составе отряда служивых «набору Якова Ельчина» для участия в Большом Камчатском наряде, задачей которого было еще до экспедиций Витуса Беринга «ехать из Якутска» на морские острова, «которые видет с Якуцких берегов, для призыву немирных иноземцев под самодержавную великого государя высокую руку в ясашный платеж» [Памятники сибирской истории XVIII в., ч. II, стр. 109.].

«Поехать» тогда не пришлось — полковник Яков Агеевич Ельчин рассорился с якутским воеводой Раки-

тиным и тот написал на полковника донос. Ельчина забрали в столицу и наряд рассыпался — кто куда…

Лаврентий Поляков не потерялся для истории — в 1731 году он был в составе экипажа бота «Святой Гавриил», задачей которого было закрыть все те вопросы с соседней землей Америкой, которые оказались не под силу Первой Камчатской экспедиции Беринга.

Они вышли из устья реки Камчатки, но за сильным «противным» ветром вынуждены были вернуться назад.

А здесь их ожидало известие о начале Харчинского бунта.

И далее я процитирую документ, чтобы и не преувеличить, но и не преуменьшить тех сил и возможностей, которыми располагали русские для подавления этого восстания:

«И против означенного твоего требования отправляютца от нас из партии служилые Лаврентей Поляков с товарыши в 40 человеках на показанное место в поход на означенных изменников, и сего февраля 11 дня в посланную партию и в доношении их написано. Наряжены они в поход в показанной тракт для умирения изменников тамошных и других их соопшников нынешним зимним временем, а кормовых де припасов у себя не имеют и купить де им негде и питаютца де они с великою нуждою.

И того де ради просят нас от посланной партии, чтоб повелено было им выдать из казны провианту для означенного походу по два пуда на человека муки ржаной да рыбного корму по две вязки юколы, чем бы им без нужды в пути пропитатца и не принять голодной смерти, по 4 собаки на человека с санками и с собачьим кормом и с принадлежащим заводом, 40 человек каюр с кормами ж, людей добрых с собаками, с санками. А по справке в партии провианту малое число, в дачу им не достанет, а рыбных кормовых припасов не имеетца и для отсылки в Верхней Камчадальской острог в партии фузей лишних не имеетца, а которые и есть и ломаны, и для починки и кузни пуль требована от вас на уголья ветхое судно, а когда будет на уголья отправлено, тогда фузеи к тебе в отдачу будут в готовности, а пушку с ядрами принять, а из пушки, из мортиры стрелять таких умеющих в партии

людей не обретаетца, а порох требовать тебе от подмастерья Ивана Спешнева, понеже по взятии острогу имелся у него в семи боченках оставшей господина капитана Беринга, а свинцу не имеетца, о чем показано выше сего. А послать в Верхней Камчадальской острог за муницею, сколько пристойно, из здешних жителей и февраля 5 дня против присланной твоей промемории будем иметь при ясачной от партии караул опше».

В 1732 году сформирован окончательный реестр экипажа бота «Святой Гавриил», членам которого выпадет величайшая географическая миссия — открытие Америки со стороны Восточного или Камчатского моря (как называли тогда Тихий океан).

Вот этот реестр:

Реестр
За канонера матрос Агафон Назаров
Пищик Иван Коринцов
Солдат Клим Полежаев
Григорей Хорошев
Лаврентей Поляков
Емельян Нагаев
Федор Жернаков
Илья Скурихин
Семен Раздобреев
Семен Гобов
Дмитрей Жилин
Мирон Санинков
Федор Щеглов
Максим Теребяков
Моисей Добрынин
Андрей Верхотуров
Леонтей Амосов
Павел Попов
Иван Световой
Тимофей Чешкин
Иван Шигин
Никифор Клестов
Андрей Березкин
Степан Костров
Иван Исаков
Иван Портягин

Иван Заливин
Алексей Наумов
Для толмачества Алексей Поливанов

И в нем два важных для нашей истории имени.

Не берусь судить, что умерший в 1812 году в Нижнекамчатске служитель штата провиантского комиссионерства Камчатского гарнизонного батальона Евсевий Поляков был потомком казака Лаврентия Полякова. Но, в любом случае, Евсевий — это начало одной из линий нашей собственной родовой камчатской ветви.

Из всего этого списка в Нижнекамчатске прописался — уже на века — всего один человек — Иван Портнягин. Тот самый, который в качестве камчатского служителя был участником и Второй Камчатской экспедиции Витуса Беринга и вместе со всеми перенес все тяжести той трагического зимовки на необитаемом острове, который сегодня носит имя Беринга.

В 1765 году у него родился сын — Иван Иванович.

Следующая ступенька — Максим Иванович (1788 г. р.).

Затем идет Федор Максимович (1816).

У него сын — Епифан:

Портнягин Епифан Федорович (1847–1894);

Ж. 1 (с 1871) Выходцева Ирина Павловна (1851), дочь нижнекамчатского крестьянина;

Ж. 2 (с 1886) Ушакова Евдокия Дормидонтовна (1852), вдова псаломщика Ключевской церкви Афанасия Ушакова.

И вот мы подошли к решению вопроса о том, почему Екатерина Константиновна Портнягина роднилась с моей бабушкой Ульяной Демьяновной Хомченко, отцом ребенка которого был Александр Александрович Поляков:

«Портнягин Константин Епифанович (1886), участник обороны Камчатки в период Русско-японской войны 1904–1905 гг.

Ж. Полякова Августа Александровна (29.05.1888), дочь казака, с. Усть-Приморск.

Тетя Катя приходилась двоюродной сестрой моего дяди Пети. На Камчатке свято чтили родство, невзи-

рая на то, что кто-то и почему-то родился вне брака, вне закона…

Но это еще не все, далеко не все. Каждый кто кровно прикоснулся к этой общекамчатской семье коренной и старожильческой Камчатки, становится обладателем целой связки родовых нитей, которые могут привести к кому угодно…

Смотрим по списку — Выходцева Ирина Павловна, дочь нижнекамчатского крестьянина, родилась в 1851 году.

Эта фамилия сегодня мало кому и что говорит.

Но если вы побываете в Рыльске, на родине основателя Российско-Американской компании (РАК) Григория Ивановича Шелихова, то узнаете о том, что Выходцевы — некогда богатейшие купцы, память о которых жива и по сей день на их родине, а родственники — довольно известные в стране люди.

Федор Алексеевич Выходцев (1767 г. р.), рыльский купец, комиссионер РАК. Человек сложный, тяжелый, алчный, погрязший в криминальных операциях совместно с офицерами Камчатского гарнизонного батальона, грабивших собственных солдат, а те, в свою очередь, — местных коренных жителей…

Вот, что писал по этому поводу, работая с документами Иркутского архива, автор «Исторического очерка главнейших событий в Камчатке» А.С. Сгибнев:

«Кошелев, приняв должность коменданта, открыл, что Сомов и большая часть его офицеров занимались казнокрадством и грабили солдат и обывателей. Принадлежащий нижним чинам провиант выписывался в расход и продавался частным лицам чрез посредство прикащиков Российско-Американской К°. Все книги и счета были с фальшивыми расписками. Продавали казенный порох компании, которая сбывала его туземцам по баснословно высоким ценам. Кошелев конфисковал у компании весь порох и записал его на приход казны, арестовал прикащика компании Хлебникова за его мошенничество (Г. Тихменев говорит, что будто бы Кошелев стеснял торговлю компании, арестовал Хлебникова за то, что он не хотел понизить цен на товары. Мы имели возможность проверить этот факт и потому считаем обязанностию восстановить истину. — Авт.)».

И против Павла Ивановича Кошелева, боевого генерала, некогда личного адъютанта Михаила Илларионовича Кутузова, затевается заговор, целью которого было… убийство Павла Ивановича.

Читаем очерк А.С. Сгибнева:

«Мы выше уже заметили, в каком бедственном положении нашел Кошелев камчатский баталион. Будучи сам честным человеком, он был чрезвычайно строг с чиновниками и офицерами, предававшимися от бездействия пьянству, взяточничеству и разврату. Крутые меры, принятые Кошелевым противу их бесчинств, вооружили всех его подчиненных, которые составили заговор о тайном убийстве его. Во главе заговора стоял баталионный командир полковник Сибиряков, бывший вестовой Биллингса. Соучастники его были: майор Маников, капитан Батюшков, поручики: Соломка и Хитрово, прапорщик Хомяков, подпоручик Росторгуев, исправник Донин, купец Выходцев, мещанин Барнашев, отставные, выгнанные из службы Кошелевым: майор Козельский и подпоручик Ермолинский; аудитор Савинский и квартирмейстер Шелашников. Всего с нижними чинами 37 человек. Кошелев, будучи предупрежден об этом бунте преданными ему людьми и, убедясь в справедливости слухов о заговоре, арестовал всех заговорщиков, а Козельского, Шелашникова, Ермолинского, Расторгуева, Савинского, Выходцева заковал в кандалы. В комнатах, где заключались преступники, приказал заколотить окна, строго запретить впускать к ним посетителей, и сам приступил к производству следствия, донеся в то же время о всех своих распоряжениях генерал- губернатору».

Но в условиях тотальной сибирской коррупции виновным, в конечном итоге, был объявлен… генерал Кошелев. От бесчестия его спасет Отечественная война 1812 года и М.И. Кутузов, который доверит находящемуся под следствием генералу Санкт-Петербургскую дружину народного ополчения, а потом — и дивизию. Судимость будет снята.

От заговорщиков наказание тоже не уйдет — слишком на многое они позарились, в том числе и на казенное.

В документах за 1824 год Федор Выходцев значится уже не рыльским купцом, а нижнекамчатским мещанином — то есть по приговору суда определен к «вечной жизни» на Камчатке.

Хорошую карьеру мог бы сделать каждый из его сыновей-близнецов — Петр и Степан (1797 г. р.).

Петр Федорович женился на одной из дочерей священника Логинова, вступив в прямое родство с настоятелем Петропавловского собора, героем обороны Петропавловского порта, награжденного золотым наперсным крестом из Кабинета Его Величества Императора Всероссийского Георгием Ивановичем Логиновым, который приходился Федору Петровичу шурином.

У него складывалась весьма удачная карьера — он руководил одной из контор РАК на Аляске, но… был, как и отец, сослан за какие-то свои грехи или должностные преступления на Камчатку.

И далее мы также — по ступенькам, поколенной росписи — приближаемся к нашим героям.

У Петра Федоровича был брат Федор, у которого в 1830 родился сын Павел, будущий отец Ирины Павловны, о которой шла речь выше — первой супруги Епифана Портнягина. Младший брат Ирины Павловны – Выходцев Федор Павлович (1857 г. р.), крестьянин села Нижнекамчатск в 1877 году женился дочери камчадала из села Камаки Варваре Васильевне Ощепковой.

И последний «аккорд»:

Дочь Федора Павловича — Выходцева Прасковья (Параскева) Федоровна (16.10.1885), дочь крестьянина с. Нижнекамчатск 31 августа 1903 года выходит замуж за коренного камчадала из селения Камаки Гавриила Петровича Кузнецова (1881г. р.).

Нет, это не дядя Ганя — Гаврил Кузнецов — из моего детства, отец моего друга Виктора Кузнецова.

Это дедушка с бабушкой Гаврила Константиновича.

А вот и родители — Кузнецов Константин Гаврилович (16.09.1904)

Ж. (с 1921 г.) Расторгуева Анисия Ивановна (02.12.1907)

Вы, думаете, что на этом заканчивается та родовая круговерть, в которой в связи с рождением дяди Пети, оказалась наша семья?

Вы ошибаетесь.

У Семена Евсеевича Полякова было семь сыновей.

Александр Семенович Поляков (1854 – 15.08.1904) был женат дважды:

Ж. 1 Анисья Васильевна (1862 – 27.11.1895);

Ж. 2 (с 31.03.1896) Миронова Евдокия Софоновна (1877), дочь отставного тигильского казака, служившего в с. Усть-Приморск.

И эта ниточка — по линии матери Александра Александровичп Полякова, то есть по линии родной бабушки моего дяди Пети, повела нас в Тигиль, в еще один казачий род — род Мироновых. И это отдельная песня...

Еще крепче оказались родовые связи другой фамилией, о которой упоминает А.С. Сгибнев в своем историческом очерке о заговоре против Кошелева — с Савинскими.

Поляков Дмитрий Семенович (1863), казак, участник обороны Камчатки в период Русско-японской войны 1904–1905 гг.;

Ж. (с 12.01.1887) Савинская Параскева Дмитриевна (1866).

Дмитрий Семенович — родной брат дедушки моего дяди.

Но это не все:

Полякова Мария Александровна (01.06. (по другим данным 29.06.) 1904 – 28.01.1972);

М. 1 (с 08.01.1921) Савинский Алексей Викентьевич (1883 – 19.05.1932);

М. 2 Тарасов, с. Мильково.

Мария Александровна — это родная тетя моего дяди Пети.

Савинские появились на Камчатке в составе Камчатского гарнизонного батальона и прибыли они из Иркутска. Их было три брата.

Старший — Петр Иванович (1782 г. р.) — аудитор Камчатского гарнизонного батальона — это его Кошелев вместе с Выходцевым заковал в кандалы.

Средний — Федор Иванович (1788 г. р.) — унтер-офицер Камчатского гарнизонного батальона.

Младший — Алексей Иванович (1791 г. р.) — прапорщик этого же батальона.

У Петра Ивановича была большая семья. Но куда она убыла после расформирования батальона неизвестна, как неизвестна и судьба самого Петра Ивановича, которого уже за его «темные делишки» разжаловали в рядовые, как сообщал об этом сам Павел Иванович Кошелев (см. мой роман-исследование «Встречь солнцу)…

Все камчатские Савинские — потомки унтер-офицера, а после расформирования батальона, казачьего пятидесятника, служившего в Гижигинской крепости, Федора Ивановича Савинского.

С Савинскими породнились многие из моих земляков. Правда, всех и не перечислишь.

Просто назову — Поповы, Минюхины, Копыловы, Сновидовы, Машихины, Заочные, Оноховы, Челпановы, Ушаковы, Тюменцевы, Коллеговы, Бобряковы, Мутовины, Петровы..

Остановлюсь на Гречениных.

И потому, что с Савинскими они дважды в родстве:

Савинская Анна Александровна (1886) [двоюродная сестра Алексея Викентьевича];

М. (с 12.01.1904) Греченин Василий Андреевич (1882), крестьянин Нижнекамчатского селения.

Савинская Екатерина Федоровна (24.11.1907 – 1999);

М. Греченин Афиноген Васильевич (02.01.1906).

Екатерина Федоровна — дочь Федора Давидовича Савинского, который возглавлял Усть-Камчатскую дружину в период Русского-японской войны и родная внучка Давида Федоровича Савинского, участника Петропавловской обороны, многие годы управляющего Камчатской казачьей командой.

У меня был замечательный старший друг — Федор Афиногенович Греченин. В моем просветительском центре «Страна рыбы и рыбоедов» представлены его фотографии — редкий фотограф может столь художественно передать изображение, используя сразу три плана — картину нужно не только видеть, ее нужно еще и чувствовать.

Но открылся Федор Афиногенович и как писатель — тонкий, вдумчивый, проникновенный рассказчик и мастер слова.

К сожалению, своей книги он не увидел — умер за несколько дней до того, как мы закончили работу над

оригинал-макетом. В 2018 году эта книга «Осени светлая печаль» вышла в свет.

Я приведу здесь один из небольших его рассказов.

ОСЕНИ СВЕТЛАЯ ПЕЧАЛЬ

Недаром день пожилого человека приурочен именно к осенней поре, наверное, ещё и потому, что духовная умиротворённость стареющих людей и состояние красоты увядающей осени — это, похоже, и есть два неразрывных между собой понятия, по-своему дополняющие друг друга.

«Осени светлая печаль» — так называется стихотворение, сочиненное братом моим Леонардом, страстным любителем природы, камчатской осени и охоты.

Ах ты, осень! На душу бальзамом
Ты в лукошко льёшь свои дары,
А в озёра с бесконечным гамом
Утки прилетают до поры.
Чтоб потом, почуя снег и стужу,
Скопом всем подняться на крыло
И… на юг! Им проводник не нужен,
Коль движенье смысл приобрело.
Что сулит мне этот день охоты?
Знаю наперёд: блаженство день!
Музыку утиного полёта!
И природы трепетную звень!
Ты послушай… как поёт речушка,
В перекатах камни заласкав.
Добрая и верная подружка
Лишь тому, кто встречи с ней искал.
Покуда с ней не встречусь снова,
Пока ее не обниму
И не замечу в ней обновы, —
Причины грусти не пойму.
Ах ты, осень! Желтым покрывалом
Землю неостывшую покроет,
И потянут гуси караваном,
Оглашая грустью всё земное…

И то сказать: на нашу богатую, нарядную, тёплую долгую елизовскую осень смотреть — не насмотреть-

ся! Никуда и ехать-то не надо — всё перед нами, всё рядом: и лес, и горы, и реки и вечные спутники наши вулканы-великаны, без которых немыслим ни один пейзаж. Даже простые полянки в берёзовом лесу, и те преобразились осенью: сделались просторными и яркими от пламенеющих огнем гроздей рябины. А к позолоченным берёзкам непременно прикоснуться хочется, обнять их, беленьких, излучающих в награду нам тихий и ровный свет. И не дай Бог пропустить, не угадать тот волнующий момент, когда однажды от ветра порывистого вдруг посыплются густо золотые берёзовые листочки. Вот уж действительно «очей очарованье»! Как в сказочной прощальной круговерти закружатся они в небесной синеве… в последний раз, призывая, наверное, и нас, случайных зрителей, проникнуться их светлой печалью, послушать и себя — так ли живём? Сердце своё послушать, душу разбередить сладкими воспоминаниями родных ли мест с ромашковой полянкой у реки, далёкого ли детства, пусть голодного и холодного, но всё же запомнившегося нам как самое счастливое, самое прекрасное время!

Один из ярких эпизодов детства вспоминаю и я, когда малолетним пацаном однажды совершенно случайно очутился в сельском клубе… на танцах, как таращился во все глаза на движущиеся по кругу пары, как по-детски изумлялся единению красивой музыки и красивых движений принаряженных людей, и сердчишко моё захлёстывалось от восторга! Как снег на голову, окунулся я в новый, интересный мир, где, оказывается, может светлеть и удивляться душа, где можно напрочь забыть о том, что где-то далеко-далеко от камчатского села идёт война, гибнут люди, рвутся снаряды под Москвой.

А оркестранты? Вот они рядом, полукругом сидящие, еле одетые, а, может, и голодные: комиссованный с фронта одноногий солдат, старики и совсем молоденькие ребята. Склонились над старенькими инструментами: гитарами, мандолинами, балалайками, гармошкой и, как мне казалось, с яростью извлекали из них изумительную музыку… бальных танцев — танго, вальсов, фокстротов и еще каких-то танцев со странными названиями: «Ту степ», «Па-де-спань», «Крако-

вяк»… Пронеслось время, и только через четыре года, весной 1945-го, настал-таки мой звёздный час! В новых, наутюженных штанах из ленд-лизовского американского демиса, явился я на бал, приуроченный ко дню Победы! Этот был праздник!!! И невозможно, я думаю, простыми словами выразить состояние радости и торжества, когда я сам по-настоящему танцевал свой первый вальс под названием «Неаполитанские ночи», как в эйфории, невольно прижимал к себе пухленькую девчоночку из параллельного 8-го класса… Как сейчас вижу её смущенную, раскрасневшуюся, в ситцевом синеньком платьице с белым бантом на груди…

Интересный факт: со временем стираются из памяти даже самые значимые события, а вот поди ж ты! Тот пятиминутный старинный вальс со всеми подробностями врезался в память навсегда, навечно! И ещё: заметил я, что подобные яркие моменты вспоминаются не весной, не летом, а чаще всего именно в пору осеннюю… Ах ты, осень.

УСТЬ-ПРИМОРСК

Открытие морских ворот в Тихий океан летом 1728 года в результате Первой Камчатской экспедиции побудило отечественных наших аргонавтов выстраивать самые смелые планы по дальнейшему пути «встречь солнцу».

Сначала манили Курильские острова, которые были ближе и доступнее.

Но Вторая Камчатская экспедиция, обнаружившая необитаемый остров совсем рядом с устьем реки Камчатки, резко меняет планы самых предприимчивых людей, охваченных азартом морских походов.

Цель была совсем близка.

Вопрос же стоял: на чем?

На чем можно было преодолеть это — хоть и небольшое — но морское расстояние?

Не так еще и давно сибирские казаки, преодолевая водные пространства Иртыша, Оби, Енисея, Лены, Амура, Индигирки, Колымы, морей Северного Ледовитого океана или Ламского (Охотского или Пенжинского) морей Тихого океана, не ломали себе голову над этим вопросом, а строили САМИ речные и морские суда и преодолевали любые встретившиеся на их пути водные преграды.

Нашелся мастер и на Камчатке — Петр Колокольников, который совсем недавно построил Нижнекамчатскую Успенскую церковь, а теперь принялся на реке Еловке, богатой строевым лесом, за строительство шитика, который будет освящен в Петров день и потому и назван в честь святого Петра.

Сформировалась и «складственная компания» из дольщиков будущего промыслового вояжа.

И вот! — цитируем Александра Полонского [копия рукописи «Перечень путешествий русских в Восточном океане с 1743 по 1800 год.», Архив Русского Географического Общества, р. 60, оп. 1 № 2]

«Компанию составляли, или были главными хозяевами судна: служилые — Ем. БАСОВ, Евтихий САН-

НИКОВ, промышленные ПОПОВ, ХОЛШЕВНИКОВ, посадские — ПАНШИН, Данило СОСНИН, которые постановили: 250 р. следующие за постройку судна, 50 р. за оковку его и деньги, причитающиеся за разные материалы по вооружению судна, по 70 р. с каждого участника, или пая, заплатить по возвращении из вояжа, а промысла делить поровну на 20 паев.

На общий счет с явившимися участниками, БАСОВ подрядил Нижнекамчатскаго служилого Петра КОЛОКОЛЬНИКОВА построить судно-шитик с гребями и парусами длинною по килю от корга до корга, в сажень шириною, внутри, 7 аршин и вышиною, внутри же 3 аршина, с условием — деньги за строение получить по возврате из вояжа. В течение зимы 1742–43, КОЛОКОЛЬНИКОВ построил на р. Еловке судно и по вскрытии рек привел его в Нижекамчатск. Приняв шитик, БАСОВ наименовал его ПЕТР и немедленно приступил к изготовлению его в поход, причем употреблено им 25 п. смолы, 10 п. железа на скрепление, 50 п. крапивы на конопать и 300 арш. холста на паруса — фок и брифок; два якоря по 6 пуд. каждый, от разбитой японской бусы, взяты в казне, а два компаса куплены за 150 р. у пробирнаго мастера ГАРДЕБОЛЯ. Мореходом по компасам, смотря по ветру, указательство чинить избран служилый Евтихий САННИКОВ, а для указания пути к островам, замеченным во время похода Беринга на восток от Камчатки и богатств бобрами взяты два казачьи сыновья, возвратившиеся в 1742 г. с Берингова острова на гукоре ПЕТР в числе команды потерпевшего там крушение пакетбота ПЕТР.

1743 г. Авг. 1-го БАСОВ вышел на шитеке из р. Камчатки в числе 20 чел.* (* Кроме хозяев на шитике отправлялись в море: служилые Алексей ВОРОБЬЕВ, Д. НАКВАСИН, БЕКИРЕВ, В. БАСОВ, казачий сын ВЕРХОТУРОВ с товарищем, 3 работника ХОЛШЕВНИКОВА и промышленный ЕФРЕМОВ) в вояж по океану для изыскания незнаемых земель и прочаго порученнаго ему дела. На пятыя сутки, в тихую погоду, подошли к одному острову и стали на якорь; но в следующую ночь канат лопнул и шитик выбросило на берег к счастию однакож не разбило. ВЕРХОТУРОВ опознал, что это тот

остров, на котором разбился в 1741 г. пакетбот Беринга. По недостатку леса на покати небыло возможности стянуть шитик на воду, а потому остались здесь зимовать и занимались промыслами: выходившаго во время великой погоды из моря зверя били палками, а на песцов ставили пасти и случалось достать в день бобров 50, а песцов 100 и более. Питались котами, сивучами, бобрами и морскими коровами; последних было множество, но промышлять нечем в море, а на берег не выходили. Что бы и впредь не было нужды в пропитании, мясо морских зверей солили и вялили.

С Берингова острова видны были: под ветром обеденником вер. 70 другой остров (Медный), а под полуночником, временно великая и высокая земля и когда дул от нея ветер, оттуда приносило рубленный лес, еловый и сосновый, рукоделия и резанных морских коров, но нельзя признать, чем резаны.

Зиму и весну команда собирала по берегу наносной лес для спуска шитика на воду и 6 июля 1744 г. стянули его с земли хотя и с нуждою, ибо японские якоря весьма плохи, да и снасти невыдерживали. БАСОВ непосмел идти на видимыя им земли, асигновать, что имеется на них какия вещи или люди, — дабы за плохостию снастей и якорей безвременно непогибнуть и ради только снастей и якорей и по недостатку всяких припасов к морскому пути, должен был возвратиться в Камчатку. 13 Авг. подошли к устью Камчатки и за противным ветром стали на якорь, но канат опять лопнул и шитик выбросило на берег.

Упромышлено на Беринговом острове морских бобров 1,200 и голубых писцов 4,000. 50 бобров приложено в церковь Св. Николая в Нижнекамчатске* (* Прикладные, по обещанию, 50 бобров, отданы с общаго согласия старостою РАСТОРГУЕВЫМ тотемцу П.С. ПОПОВУ в тысячу руб. с тем, чтобы он доставил к той церкви: 7 колоколов, ризу, 2 кадила, серебряное и медное, 4 медных вызол. лампады, воску белаго 10 п., краснаго 6(?) п. муки пшеничной. В 1746 церковныя потребности привезены тотемцем П. КОЗАРИНОВЫМ и сданы архимандриту)».

Весть о богатой добыче разнеслась по всей России.

Но… предприимчивые купцы быстро вытеснили Басова с промысла и заняли лидерствующие места, активно строя все новые и новые суда и отправляя их к соседним американским берегам.

Кстати, о судах. Первоначально они назывались «шитиками». То есть строили эти суда… без гвоздей, сшивая доски всяким подручным материалом, в том числе и лозой, и кожаными ремнями.

Это уже потом, разбогатев, стали в Охотске строить большие суда — «гвозденники» и совершать походы, минуя Камчатку.

И богатели…

А первый отечественный тихоокеанский аргонавт закончил свою жизнь… на каторге:

«Жизнь Е. Басова окончилась очень печально. Этот пионер организации пушного промысла на островах «Восточного моря» был уличен как фальшивомонетчик и сослан на каторжные работы на Нерчинские заводы» [РГАДА, ф. 199, д. 539, ч. 1, тетр. 15, л. 2 об.].

А вот и подробности от А. Полонского:

«Выгоды, получаемыя от промыслов не подняли житейского уровня БАСОВА выше бедняков, собратов его населявший Нижекамчатск. Когда с КАПИТОНОМ рушились и последние надежды на поправление состояния, БАСОВ, живший с женою и детьми в Нижекамчатске постоянно в нищенстве и убожестве, дошел наконец до такой крайности, что даже нуждался в денном пропитании. Не предвидя средств поправить настоящее печальное положение, БАСОВ, занимавшийся прежде деланием оловянных ложек, измыслил сделать деньги. В 1755 году, незадолго до праздника Р. Хр. он собрал бывшие у него медные и оловянные обломки и из сплава их вылил в три раза в бане, по ночам, 4 рублевика и 8 полтинников, на них он купил у Нижекамчатских обывателей к празднику ягод на 1 полтинник, молока на 3 р. 50 к., табаку на 2 полтинника и заплатил за соленую рыбу 3 р. Но дело скоро обнаружилось, БАСОВ повинился и арестованный представлен в Большерецк. Там он розыскиван один раз и потом отправлен в Иркутск в Следственную Комиссию Сибирских и Камчатских дел и … 22 июля 1763 года взят с гауптвах-

ты к отправлению на Нерчинские заводы, каторжный Емельян БАСОВ, которому по определению Иркутской канцелярии 4 сент. 1762 года, учинено на публичном месте, при барабанном бое, позорное наказание, недавно так навсегда отмененное. На заводах недолго мог проработать изувеченный тяжким наказанием почти 70-летний старик».

Памятника человеку, который сподвиг своих соотечественников на покорение Великого Тихого океана и освоение Русской Америки, конечно же, никто не поставил. Всех наших героев-аргонавтов затмил и оттеснил Витус Беринг, проваливший Первую Камчатскую экспедицию и которому отдали все почести по открытию Америки во время Второй Камчатской экспедиции, хотя это открытие было сделано за него и до него в том числе и камчатскими служилыми людьми в 1732 году, зха девять лет до Второй Камчатской экспедиции, достигшей берегов Америки.

Повторюсь — есть единственное место в России, где воздали дань мореходам-тихоокеанцам — и это место не в Усть-Камчатске, не на Камчатке, а на совершенно далекой от Камчатки вологодской земле в городе Тотьма в музе Мореходов, который сейчас располагается в доме того самого купца Федота Холодилова, промышленные люди которого и устроили вместе с ссыльными знаменитый Большерецкий бунт и впоследствии завоевывали для Франции остров Мадагаскар. Событие, которое, кстати, отражено в целом ряде музеев мира, но о котором в России (и на Камчатке тоже) слышали… единицы.

Помимо Холодилова, который с иркутским посадским человеком (впоследствии камчатским купцом) Никифором Матвеевичем Трапезниковым долгое время лидировали, скоро появляются представители купеческих домов Вологда, Тотьмы, Великого Устюга, Москвы, Курска, Рыльска, Иркутска, Тобольска, Якутска и других городов России.

Из Русской Америки и Камчатки вывозилась пушнина на баснословные суммы. В городах и весях России возводились благодарственные храмы за удачный промысел.

А на Камчатке…

Если не считать пропавшего в период гражданской войны богатого иконостаса Успенской Нижнекамчатской церкви, то и сказать больше не о чем.

Осталась только память. Но это материя тонкая — и существует только со знаниями. А знаний по истории края сегодня никто не дает — можешь получить их только самостоятельно. Но если твоя внутренняя установка, как у большинства приезжих на Камчатку людей, заключается в том, что никакой истории на Камчатке до них просто не было — то говорить о знаниях не приходится. Недавно в группе историков, этнографов, краеведов я побывал в родном Усть-Камчатском районе, на месте бывшего Нижнекамчатского острога, откуда и двинулась открывать морские просторы Первая Камчатская экспедиция. И что — абсолютно ничего, полный исторический мрак…

А на родине Чирикова, в его деревушке-поместье, открыт народный музей.

По всему пути Первой и Второй Камчатской экспедиции работают туристические маршруты, создается инфраструктура и логистика. А на Камчатке единственное что умеют — это припечатывать имя Беринга ко всему, что попадет под «руку» — сегодня его имя присвоили бывшему педагогическому институту, завтра — международному аэропорту… Но музея — МУЗЕЯ! — прославленного во всех последующих веках и по всей планете Беринга на Камчатке тоже нет.

Что уж говорить о наших соотечественниках, которые на собственные, а не казенные средства, освоили американские земли. Их подвиг списали — практически задарма продав Русскую Америку.

А ведь все имена, вошедшие в мировую историю, связанные с Русской Америкой прошли через устье реки Камчатки. И даже главный ее летописец — Кирилл Хлебников — был комиссионером Российско-Американской компании и служил в Нижнекамчатске.

Усть-Камчатск был в тени тогда уездного города Нижнекамчатска — как его портовый пригород, хотя именно на устье и кипела основная работа по подготовке к промысловым «вояжам», шел ремонт судов, ве-

лась активная заготовка продуктов (прежде всего юколы — вяленой рыбы)…

Эта тень спадает, когда столица Камчатки переносится в Петропавловский порт, в Гавань, как тогда еще говорили. Одновременно с изменением статуса города Нижнекамчатска происходит и расформирование Камчатского гарнизонного батальона, значительная часть которого дислоцировалась в Нижнекамчатске. Солдат, частично набранных из камчатских казаков, снова верстают в казаки или отправляют в Петропавловский порт в Камчатскую экипажную роту матросами. Другую часть солдат, прибывших из Иркутска, возвращают к месту прежней службы или отправляют в отставку.

А потом и вовсе нижнекамчатских казаков переводят во вновь образованный казачий пост на устье реки Камчатки, который получает название Усть-Приморск.

А оставшихся в Нижнекамчатске родственников этих казаков записывают в крестьяне.

И сегодня мы восстанавливаем полный список первых постоянных жителей Усть-Приморска, который впоследствии снова будет назван Усть-Камчатском.

1852 год.

Урядник Александр Яковлевич Минюхин (41 год)
Казаки:
Белоногов Николай Иванов (38),
Онохов Иван Полуектович (23),
Петров Дормидонт Иванович (31),
Сын Николай (3),
Помаскин Евдоким Семенов (32),
Сын Петр (9),
Попов Захар Иванов (28),
Попов Федор Иванов (35),
Попов Тимофей Януарьевич (22),
Расторгуев Василий Васильевич (23),
Расторгуев Януарий Васильевич (37),
Скребыкин Савва Петров (43),
Сыновья: Василий (7), Иоанн (3),
Соргучев Данила Максимович (24),
Холщевников Петр Михайлов (30),
Сыновья Иннокентий (8), Афанасий (3).

Отставные:
Урядник Попов Иван Васильевич (54),
Минюхин Афанасий Иванович (49),
Сын Иннокентий (2),
Онохов Дементий Петров (45),
Соргучев Максим Михайлович (65).

Позже, в качестве частных командиров этого поста прибывают пятидесятник Сысоев Николай Петрович (1833 г. р.) и Савинский Федор Давидович (1862 – 03.02.1916).

Николай Петрович Сысоев — участник обороны Петропавловского порта.

А Федор Давидович — сын участника обороны Петропавловского порта, управляющего Камчатской казачьей команды Давида Федоровича Савинского. Кстати, Федор Давидович перенял было бразды правления казаками от отца в 1893 году, но затем был отправлен частным командиром в Усть-Камчатск.

В 1855 году на призыв губернатора Камчатской области В.С. Завойко прийти на помощь участникам обороны Петропавловского порта для отражения второго вражеского удара отозвались не только устькамчатские казаки, но и «нижнекамчатские камчадалы», как записано в документе, принявшие активное участие в погрузке имущества Петропавловского порта для его эвакуации в Николаевск-на-Амуре.

Впоследствии мы находим их имена в списках, награжденных бронзовой медалью на Андреевской ленте в память о Крымской войне 1853–1856 года, участниками которой они теперь являлись:

Греченин Захар (39 лет),
Гусев Иван (29),
Никифоров Иван (26),
Петров Андриан (32),
Помаскин Афанасий (20),
Тарабыкин Андрей (34).

И были командированы в Петропавловский порт казаки:
Урядник Евдоким Помаскин.

Казаки:
Иван Онохов,
Семен Поляков,
Василий Попов,
Захар Попов,
Тимофей Попов,
Федор Попов,
Валериан Расторгуев,
Данила Сургучев.

В 1904 году Федор Давидович Савинский возглавит Усть-Камчатскую дружину народного ополчения, за что впоследствии получит почетный чин зауряд-хорунжего.

Сегодня мы знаем полный списочный состав этой дружины, уничтожавшей «хищнические» японские шхуны на северо-восточном побережье полуострова. В эту дружину входили, кроме казаков Усть-Камчатка, жители всех окрестных сел — Нижнекамчатска, Камак, Ключей, Козыревска, Ушков, Еловки, Харчино, Толбачика

Список большой — практически каждый взрослый мужчина взял в руки оружие и вступил в народное ополчение. Поэтому мы назовем здесь вместе с коренными устькамчатцами только представителей тех поселений, которые впоследствии влились в Усть-Камчатск.

Белоногов Феодосий Николаевич, с. Усть-Камчатск
Греченин Захар Петрович (1869), с. Нижнекамчатск, награжден серебряной медалью «За усердие» на Станиславской ленте
Карпов Василий, с. Нижнекамчатск
Коллегов Иван, с. Нижнекамчатск
Кузнецов Гавриил Петрович (1882), Камаки
Миронов Василий Сафонович (1887), с. Усть-Камчатск
Миронов Федор, с. Усть-Камчатск
Петров Дормидонт Венедиктович (1874), с. Усть-Камчатск
Петров Петр, с. Нижнекамчатск
Поляков Дмитрий Семенович (1863), с. Усть-Камчатск
Поляков Петр Семенович (1865
Помаскин Андреян, с. Нижнекамчатск

Помаскин Егор Афанасьевич (1860), с. Усть-Камчатск
Помаскин Константин, с. Усть-Камчатск
Помаскин (Помазкин) Николай, с. Усть-Камчатск, награжден Георгиевским крестом 4-й степени № 171292
Попов Дмитрий Гаврилович (1865), с. Усть-Камчатск
Попов Егор, с. Усть-Камчатск
Попов Ерминингельд Захарович (1875), с. Усть-Камчатск
Попов Феодосий Сергеевич (1877), Нижнекамчатск
Портнягин Иннокентий Петрович, с. Нижнекамчатск
Портнягин Константин Епифанович (1886)
Расторгуев Алексей Степанович (1880), с. Камаки, награжден Георгиевским крестом 4-й степени № 171282
Расторгуев Игнатий Автономович (1874), с. Камаки
Расторгуев Игнатий Владимирович (1881), с. Камаки
Расторгуев Петр Степанович (1881)
Расторгуев Петр Васильевич (1887), Камаки
Расторгуев Семен Автономович (1886), с. Камаки, награжден
серебряной медалью «За усердие»
Расторгуев Степан Андрианович, староста с. Камаки, награжден серебряной медалью «За усердие» на Станиславской ленте
Савинский Александр Дмитриевич (1860), с. Усть-Камчатск
Савинский Алексей Векентьевич (1883–1932)
Савинский Андрей Давидович (1865)
Савинский Давид Давидович (1872), награжден серебряной медалью «За усердие» и произведен в чин зауряд-хорунжего
Савинский Иван Давидович (1867)
Савинский Иван Векентьевич (1876)
Савинский Николай Векентьевич (1874)
Савинский Федор Давидович (1862 – 03.02.1916), награжден серебряной медалью «За усердие и произведен в чин зауряд-хорунжего
Сновидов Александр Глебович (1883), с. Нижнекамчатск
Сновидов Иона Георгиевич (1874)), с. Нижнекамчатск
Тарабыкин Платон Платонович, с. Нижнекамчатск
Томский Василий, с. Усть-Камчатск [Государственный архив Дальнего Востока, ф. 1044, оп.1, д.129]

ДЕМБИ

В дальнейшей истории нашей семьи исключительно важную роль сыграл рыбопромышленник Дембы.

Собственно, начал эту историю не он, а старший сын купца Алексея Яковлевича Прозорова, семья которого в 1879 году переезжает из города Вятка в Санкт-Петербург и основывает Торговый Дом «Яков Прозоров с сыном». В 1881 году Яков Алексеевич скончался и бразды правления Торговым Домом оказались в руках Алексея Яковлевича.

Прозоров-младший был человеком предприимчивым, целеустремленным, умел считать деньги и рассчитывать выгоду.

Но почему он заинтересовался котиковым промыслом на Командорских островах, который к этому времени приходил к абсолютному упадку и не мог приносить дохода, а только большие, если не огромные, убытки?

Ответ на этот вопрос простой — добыча этого зверя в конце XIXвека просто зашкаливала.

С одной стороны — на Командорских островах хозяйничали американцы, взяв промыслы в аренду на 20 лет. Это была «Гутчинсон Кооль и Компания», которая ближе к концу аренды только увеличивала и увеличивала объемы добычи.

Но это была не главная причина. Гораздо больший вред наносили браконьеры, которые по весне, в ожидании подходов морских котиков к местам воспроизводства, устраивали побоища в море, не стесняясь высаживаться на берег, так как не опасались какого-либо сопротивления со стороны местных жителей.

Сначала страшной бедой для этих животных были американцы и канадцы. Потом их сменили японцы…

В мировой литературе остался кровавый образ такой вот морской охоты на этих зверей, созданный гениальной рукой писателя Джона Гриффита, литературный псевдоним которого Джек Лондон, лично участвовавшего в такой охоте, приносившей баснословно высокий доход.

В 1873 году у купца Прозорова родился сын – Алексей Алексеевич, которому и досталось в наследство это Общество котиковых промыслов.

Чтобы найти некую альтернативу угасающему бизнесу Алексей Алексеевич Прозоров, наследник родовых капиталов, создал фундаментальный труд «Экономический обзор Охотско-Камчатского края» и вывел формулу постоянного и надежного успеха в развитии рыбного промысла Камчатки, ориентируясь на изобилие камчатского лосося.

И местом для создания принципиально нового для себя и своей компании бизнеса он избрал Усть-Камчатск, ориентируясь на добычу самого крупного и жирного из лососей — чавычу. Произошло это в 1896 году

Дело было поставлено сразу на широкую ногу – мастер по засолке Александр Зубков был приглашен из Вологды. А свою продукцию намеревались продавать ни где-нибудь поблизости, а в Англии, в торговлю которой имелся уже заход со стороны продаж беломорской семги.

Было засолено 87 бочек общим весом 1218 пудов.

Увы, первый блин был комом – семужный бочковой посол был непригоден для чавычи. Вся партия протухла и от нее избавились.

И вопрос остался открытым. Правда, недолго. Даже очень недолго. На Южном Сахалине местные предприниматели уже начали вести рыбный промысел совместно с японцами, которые обеспечивали русских рыбаков всем необходимым — технологиями промысла и орудиями лова, солью, профессиональными рыбацкими кадрами, а, самое главное, — рынком сбыта продукции и дешевыми кредитами под развитие рыбного промысла.

В 1897 году Товарищество котиковых промыслов переходит на японский способ засолки лососей любого вида простейшим способом — «бара», который на Камчатке получил название «сухой посол»

«Способ этот состоит в том, что рыбу, только что пойманную, потрошат, пластуют, складывают рядами на циновку, обильно пересыпают каждый ряд сухой солью, а затем покрывают известное количество рядов

простой циновкой и оставляют затем рыбу на произвол судьбы до того времени, когда ее можно будет везти в Японию. Рыба не портится и охотно покупается на японских рынках и даже по высокой цене» [Сильницкий А., Поездки в северные округи Приморской области, Хабаровск, 1902].

Через три года после выхода этой книги Антон Петрович в ранге начальника Петропавловского уезда создавал дружины народного ополчения для отражения не только японского десанта, но и десятков японских «хищнических» шхун, ведущих браконьерский промысел лососей в устьях главных нерестовых рек полуострова.

Но вернемся к истокам рыбной промышленности Камчатки.

В 1897 году в Усть-Камчатске было заготовлено, а главное продано в Японии по очень высокой цене, 8 тысяч пудов лососей сухого посола.

В тот же год, на волне успеха, Товарищество котиковых промыслов реорганизовано в Камчатского торгово-промышленное общество. 13 июля Высочайше утвержден устав нового общества, в котором, в частности было записано ведение промысла лососевого, сельдевого и трескового в «Охотском, Беринговом и Камчатском морях с заливами, проливами и реками … устройство и содержание заводов…».

Основной капитал КТПО — один миллион рублей золотом, разделенный на 8000 акций по 120 рублей золотом каждая.

В 1898 году заготовлено и продано в Японию уже 30 831 пуд рыбы. Промысел рыбы вели уже на трех участках — в устье реки Камчатка, в устье реки Озерной (восточной) и в бухте Тарья вблизи Петропавловского порта.

Но далее трезвый расчет подвел камчатских рыбопромышленников, которые на волне абсолютной своей личной удачи, не просчитывали социальные последствия своего бизнеса.

В 1899 году с Камчатки КТПО было вывезено уже 114 684 пуда рыбы.

Транспорт не справлялся с тем количеством рыбы, которое еще можно было добыть и засолить. И встал

вопрос о том, чтобы по примеру американцев начать производство рыбных консервов.

Если бы Алексей Александрович свой проект взялся бы сразу реализовывать в Усть-Камчатске — у него бы все получилось.

Но гораздо выгоднее было строить завод на тарьинской площадке в Авачинской бухте, где проще было вести отгрузку продукции на проходящих судах, так как активность судоходческого движения и удобства погрузо-разгрузочных работ здесь были на порядок выше тех, что мог представить Усть-Камчатск, так как там эту погрузку можно было производить только в море без риска пройти зону активного бара, где воды реки Камчатки сталкивались с океаном, создавая такой водоворот, попадая в который не только лодки, но и суда, рисковали совершить оверкиль.

Так и решили. Мощность будущего завода в Тарье — 800 ящиков по четыре дюжины — 48 банок — весом один фунт или 38 400 банок ежесуточно. Рядом ставили завод по производству тука — рыбной муки из отходов производства суточной мощностью 50 тонн.

Специалистов и рабочих для строительства завода привезли из разных стран.

Но завод так и не заработал.

Против него встали жители окрестных сел и самого города Петропавловска — жизнеобеспечение которых напрямую было связано с промыслом рыбы и стабильным состоянием запасов.

Администрация уезда встала на сторону народа.

А промысел лососей все возрастал и возрастал. В пудах уже мерить было бесполезно — в 1900 году было выловлено 46 тысяч центнеров рыбы на 21 рыбопромысловом участке.

На следующий год количество участков увеличилось вдвое. Но завод, проработав всего две путины — и прекратил свою производственную деятельность из-за отсутствия… рыбы. Местный народ встал на дыбы…и потребовал закрытия завода.

И вот тогда только было принято решение о переносе завода в Усть-Камчатск.

Но для самого Алексея Алексеевича это решение оказалось…роковым

«В Петербурге, сообщают „Новости дня“, получены подробности о гибели [30 августа 1902 г.] на котиковом промысле в Усть-Камчатске автора „Экономического обозрения Охотско-Камчатского края“ А.А. Прозорова, сына председателя Петербургского биржевого комитета, происходящего из семьи Прозоровых, известных благотворителей в Вятке. Вместе с А.А. Прозоровым погибло девять человек — вся команда катера, на котором он вошел в устье реки. Катер, таща за собой нагруженный баркас, старался обойти бар, но был опрокинут страшным буруном. Катастрофа произошла так быстро, что помощь была невозможна» [«Вятские губернские ведомости», 1902, № 118, 3 окт., л. 1].

А в Усть-Камчатск пришел новый предприниматель — Альфред Георгиевич Дембри.

«В 1909 г.. в устье р. Камчатки в районе Усть-Камчатска началось строительство нового рыбоконсервного завода (РКЗ) и лесопилки. Ссуду под постройку РКЗ дал Русско-Азиатский банк. О ходе работ на этих объектах приамурскому генерал-губернатору докладывал исполняющий должность губернатора Камчатки В.П. Перфильев. Массовое производство консервов из рыб лососевых пород началось здесь в 1910 г.», — сообщал камчатский историк С.В. Гаврилов.

В своей книге «Рыбацкая летопись полуострова» я достаточно подробно рассказываю об истории дальнейшего развития рыбной промышленности в Усть-Камчатске, поэтому в этом очерке я продолжу делать акцент на истории Усть-Камчатска, которая мне наиболее близка — истории моей собственной семьи.

Рыбопромышленник Дембри был человеком не менее расчетливым, чем Алексей Прозоров, и он прекрасно понимал, что такого количества рабочих рыбацких рук, как в Петропавловске, ему в Усть-Камчатске не сыскать и что в первую очередь — еще до постройки завода — необходимо решить вопрос по важнейшей цепочке в организации всего цикла работы рыбоконсервного завода – по обеспечению завода… рыбой.

Опереться на местные кадры не представляло никакой возможности — казаки были на службе, а камчадалы занимались собственным промыслом для обеспечения рыбой своих семей и нартовых собак (на

которых приходилось три четверти всей заготовленной рыбы), да и ловить рыбу в промышленных масштабах они и не умели, и не хотели.

И вот тогда Дембы привлек на Камчатку несколько семей староверов-молокан, прибывших в Приморье из неизвестных мне мест. Это произошло в 1908 году, то есть за год до начала строительства самого рыбоконсервного завода.

Среди них была молодая супружеская пара — мои прабабушка, имени которой я до сих пор не сумел выяснить, и прадедушка Демьян Хомченко.

Староверы расположились в нескольких местах в низовьях реки Камчатки. Мои — в шести верстах от Усть-Камчатска, образовав в урочище Крочи поселение, которое впоследствии будет названо Николаевкой.

В 1909 году родилась бабушка — Ульяна Демьяновна. Несколькими годами позже — ее брат Степан.

Я не знаю, в каком году они осиротели, но бабушка рано стала старшей в семье и самостоятельно поднимала брата.

А в 1924 году она уже сама стала матерью, родив старшего брата моего отца — Петра. Вероятно, очень надеялась, что кто-то снимет с ее девичьих плеч всю ту тяжесть проблем, которые навалились вместе с сиротством. Увы... Александр Александрович, «обрюхатив» староверку, просто бросил ее на произвол судьбы. Бабушка выстояла. Кроме всего прочего, она была еще и знахаркой, умела вправлять грыжу, что в связи с тяжелым рыбацким трудом и вытекающими из этого последствиями, приносили какой-никакой доход. Местные хирурги, уже на моей памяти и по рассказам знакомых мне людей, направляли в самых запущенных случаях своих больных к моей бабушке...

18 апреля 1927 года появляется на свет и мой отец — Иван.

Тайна, связанная с его биологическим отцом, не раскрыта мной до сих пор.

Проговорилась тетя Катя Радионова (Портнягина) в интервью, которое она дала устькамчатскому краеведу Виктору Борисову. Правда, он не понял о ком идет речь, и даже исказил фамилию моей бабушки на Дем-

ченко, но кое-что начало проясняться. Как и причины того, почему в нашей семье на эту тему говорить было не принято.

У бабушки тогда, — рассказывала тетя Катя, — был муж Иван. Которого потом арестовали за контрабанду и, наверное, как предполагала она, расстреляли.

Контрабанда в 1927 году — это незаконная торговля пушниной.

Но тайна происхождения отца связана все-таки не с этим фактом.

Настоящим, то есть законным, мужем Ульяны Демьяновны Хомченко был Григорий Павлович Вахрин, с которым она родила младшего из своих сыновей, и который усыновил Петра и Ивана, дав им свою фамилию и свое отчество. Так мы стали Вахриными.

А появление Григория Павловича — уроженца деревни Сладкой (или Сладчанки) из-под Ишима, было связано с теми событиями гражданской войны в России, которые, якобы, миновали Камчатку.

Григорий Павлович Вахрин служил у генерала Каппеля и прошел вместе с ним все три тысячи Ледяного похода. И потом, — как писал в своем очерке камчатский писатель Валентин Пустовит —, после гибели генерала, с его именем на устах, отходили всё дальше и дальше на Восток».

Вплоть до Владивостока.

И здесь все тот же рыбопромышленник Дембы, который уже сыграл свою роль в камчатской судьбе нашей семьи, предложил сложившим оружие каппелевцам поехать с ним на Камчатку для охраны в это смутное тревожное время своих промысловых участков.

Шел 1921 год. Сорок два бывших каппелевцев, офицеров и рядовых, отправились с ним на Камчатку, распределившись по разным местам.

«Часть каппелевцев образовала в с. Крочи (Николаевке) „коммуну“. В неё входили поручики Дмитрий Егорович Лавров, Демичев, Шунько, Колчугин, рядовые Михаил Горбунов, Николай Кочетов, Григорий Вахрин. Остальные „рассосались“ по другим населённым пунктам Усть-Камчатской, Ключевской, Нижне-Камчатской и Козыревской волостей».

А далее история, согласно документам, найденных Валентином Пустовитом, разворачивается следущая;

«…21 января 1922 г. особоуполномоченный Временного Приамурского правительства в Охотско-Камчатском крае Х. П. Бирич издал обращение ко всем волостным, сельским управлениям, к населению области. Оно явилось ответом на распространяемые красными партизанами воззвания не подчиняться органам власти, образованным после занятия Петропавловска отрядом В.И. Бочкарёва, не платить им налогов и податей. В обращении Бирича, в частности, говорилось: „Не заслуживает доверия и упоминание в воззваниях коммунистов об открытии своей “резиденции” в Усть-Камчатске, так как близ этого селения на промысле Демби находится отлично вооружённый отряд в сорок человек Каппелевцев, который в своём районе никакой резиденции коммунистов, разумеется, не допустит“».

Ссылка на обращение Х.П. Бирича впервые появляется в донесении агента ОГПУ «Ярцева», датированном 15 апреля 1934 г. «В 1922 г. наместник белого правительства… Бирич опирался на эту „белогвардейскую артель“ и громогласно в прессе заявил: „У меня… имеется группа в 41 чел. каппелевцев, которая не допустит Соввласти на Камчатке“».

В 1937 г. устькамчатский колхозник Иосиф Реутов (арестован, но освобождён НКВД) сообщил, якобы со слов каппелевца Акуленко, что по прибытии вербованных в 1921 г. Демби их всех военизировал: выдал японское обмундирование, винчестеры и превратил их в «защитников Японии» и борцов с партизанами.

Так возникло обвинение каппелевцев в поддержке Бирича и их участии в вооружённом отряде Демби. В агентурном деле с условным названием «Грузчики» бывшие белые военнослужащие проходят как «боевой кулак» Бирича. Та же версия содержится в свидетельских показаниях жителя Николаевки М.В. Баженова.

Почему и белая власть в 1922 г., и красная в 1930-е годы. не сомневались в том, с кем должны быть вчерашние колчаковцы?

Разгадка на поверхности — они служили у знаменитого Каппеля. Недаром Григорий Вахрин в феврале 1934 г. (информация агента «Официоз») сказал на

охоте односельчанину Бурову: «Если бы Каппель был живой, то наверняка такого безобразия, как сейчас,- не было бы. Будь Каппель Правителем (России. — В.П.), сейчас много было бы лучше».

Это и стало приговором:

Вахрин Григорий Павлович 1892 г.р. Место рождения: Тобольская губ., Ишимский р-н, с. Салатка [Сладкое, Сладчанка]; русский; образование: малограмотный; б/п; был членом рыболовецкого колхоза «Николаевский».; место проживания: Усть-Камчатский р-н, с. Николаевка, На Камчатке проживал в Арест: 27.12.1937 Осужд. 26.03.1938 тройка при УНКВД по ДВК. Обв. без предъявления обвинения Расстр. 25.05.1938 Реаб. 20.06.1989 Реабилитирован заключением прокурора Камчатской обл. Источник: База данных о жертвах репрессий Камчатской обл.

А в семье «врага народа» не принято было распространяться о своих родовых корнях.

Но отцу моему в определенной степени повезло и строка в анкетных данных о том, что его отец «враг народа», не сыграла, как в судьбе многих его сверстников со схожей биографией, той роковой роли, какой могла сыграть.

В ноябре 1944 года, не достигнув 18-летнего возраста, он был призван в ряды Красной Армии из десятого класса. 18 лет ему исполнилось лишь 18 апреля 1945 года. А уже 18 августа разведчик 302 стрелкового полка Вахрин Иван Григорьевич в составе штурмовой группы, в числе самых первых, бесшумно, высадились на острове Шумшу. Если бы не предательская пулеметная очередь с нашего десантного судна, переполошившего японцев, сразу же открывших огонь по всему периметру обороны острова, то Курильскую десантную операцию можно было бы провести с гораздо меньшими потерями, чем случилось на самом деле.

Отец был тяжело ранен в самом начале боя — страшный шрам под лопаткой и на руке, которую полевые хирурги даже поначалу попытались отнять (в смысле отрезать) – было повседневным напоминанием о тех событиях, о которых отец почти ничего не рассказывал. На его глазах погиб его школьный друг и тезка – Иван Макушин…

После госпиталя в Хабаровске отец вернулся на Камчатку и закончил, как фронтовик, рыбопромышленный техникум. Из него получился бы хороший инженер, но его, сына врага народа, пригласили вступить в партию и сделать партийную карьеру…

Два раза таких предложений не делали.

И, таким образом, наша семья оказалась сначала в Тиличиках, где я появился на свет, а потом в Вывенке, где родился мой младший брат Саша, общий любимец в семье.

А отец всего себя посвятил работе парторга национального колхоза имени В.И. Ленина (после, с образованием в Петропавловске рыболовецкого колхоза имени Ленина, колхоз в Вывенке был переименован в колхоз имени Горького, но это было уже после нас).

РЫБООХРАНА

В нашем Усть-Камчатке — в деревне — на углу улиц Советской и Партизанской жили два старичка. Он был невысокого роста, щупленький, очень старый и его вскоре уже не стало.

А старушка была точно из какого-то старинного книжного романа — высокая стройная, как мне всегда казалось, даже несколько надменная. Мы ее прозвали «дамой с собачкой», потому что она выгуливала какую-то декоративную собачку на длиннющей веревке, и эта веревка волочилась вслед за этой крохой-собачонкой. А потом песик восседал в окне на подушке, облаивая всех нас, кто висел на заборе и заглядывал во внутренний дворик, поражавший нас, деревенских ребятишек того времени, просто невероятным, фантастическим обилием самых разных цветов, которые выращивала эта старушка на своих клумбах.

Я тогда и предполагать не мог, что эта чета стариков Рубинских, точнее, сам старичок — Тихон Алексеевич Рубинский — станет для меня настоящим примером служения своему государству.

Мы давно были знакомы с рыбаком Иваном Купцовым — человеком весьма непростым, но очень увлеченным, настоящим профессионалом рыбацкого дела.

Именно Иван Аркадьевич подобрал выброшенные из Усть-Камчатской рыбинспекции старые отчеты — за 1940 и 50-е годы.

Именно он и обратил мое внимание на некоторые от отчетов Тихона Рубинского, который был руководителем местного рыбнадзора.

Я очень люблю то время — время моего счастливого детства.

Но я не могу сказать, что это время было счастливым и безоблачным и для других. Особенно для старшего поколения.

Я процитирую своего старшего товарища Тихона Алексеевича Рубинского — эти его отчетные записи вошли потом в моей очерк «Быть хозяином…», который прозвучал на весь Советский Союз, будучи опублико-

ванном в одном из самых популярных литературных журналов того времени «Нашем современнике».

* * *

«Инспектор Восточно-Камчатского рыбоохранного района Тихон Алексеевич Рубинский еще раз внимательно прочитал написанное — это был годовой отчет за 1950-й год:

„На основании выводов, сделанных и прилагаемых к данному отчету из сводной таблицы вылова лососевых пород за 19 лет в Камчатском заливе и реке Камчатке, прихожу к следующим заключениям:

I. Запасы красной в бассейне реки Камчатки с каждым годом становятся все меньше и меньше, о чем красноречиво свидетельствуют уловы последних трех лет, при этом следует отметить, что орудий лова — ставных неводов — в эти годы в Камчатском заливе даже больше, чем в прошлые — 1943–1947 годы, а количество орудий лова в реке Камчатке за последние три года увеличилось почти вдвое, но, тем не менее уловы в общих цифрах как по заливу, так и по реке снизились.

Говорить о неустойчивых запасах лососей — это значит, что не только японцы занимаются хищническим ловом с 1917 по 1941 год включительно, но и наши госкомбинаты, рыбацкие артели как в годы войны, так и в послевоенные годы, вплоть до отчетного 1950 года, производили лов далеко не по-хозяйски, благодаря исключительному покровительству районных и областных работников и нередко даже работников Министерства“.

Черт бы их всех побрал этих ответработников, — выругался про себя Рубинский. — И откуда они такие здесь, на Камчатке, берутся. Пишет же вот Виталий Закруткин в „Плавучей станице“ о настоящих работниках! — Тихон Алексеевич поднялся со стула, достал с книжной полки потрепанный уже томик и легко открыл его на нужном месте: так часто зачитывал он эти строки, отчеркнутые ногтем, — слова секретаря райкома Назарова: „Наш человек становится истинным хозяином природы, ее творцом. Он уже не раб природы, и не убийца ее, не транжир и не мот, не хищник, не иждивенец, а творец, а это и есть одно из самых важных условий построения коммунизма“.

Или вот еще. Это, как Назаров спрашивает председателя рыбколхоза: „Как ты думаешь, Кузьма Федорович, рыбаки при коммунизме будут существовать? Будут. Значит и рыба нужна нам будет как хлеб, плоды, овощи, гуси, бараны и все, что потребляет человек. Только всего этого должно быть при коммунизме гораздо больше, чем было и есть…

— А у нас что, — уже вслух, сердясь, заговорил Рубинский, — в ответ на такие же вот слова о будущем заявляют начальники: “Ловите рыбу где угодно, чем угодно и когда угодно. Рыбнадзор с тоней гоните к чертовой матери. И дураками будете, если подпишите протокол на штраф. Судитесь — поддержим”“.

Первый секретарь райкома партии Белопотапов, видя однажды, то ли в 48-м, то ли в 49-м году, что рыба ловится плохо, приказал рыбакам из колхоза имени Сталина связать вместе две сети и, перегородив реку от берега до берега, сплавляться до самого устья. Видя, что рыбаки не хотят такой рыбалки, Белопотапов сам сел в лодку бригадира и лично руководил этим хищничеством.

Ответработники из области заявляют еще похлеще: „Если будете тормозить лов рыбы колхозникам в устье реки Камчатки, отдадим под суд. Мы здесь олицетворяем волю партии и не позволим, чтобы какая-то там мелкая пешка от рыбнадзора встала на пути выполнения государственного плана“. Да что слова, когда эти ответработники самолично водили колхозников в устье ставить невода — по три невода в ста метрах от устья выставляли: какая же рыба их минет. А вычерпать таким макаром речку — ума большого не надо. Только что же тогда на завтра, для коммунизма, останется?!

Думают же об этом люди на материке, такие, например, как бригадир Антропов у Закруткина, — Рубинский снова легко нашел нужное место в книге: „Плохо мы в нашем рыбколхозе хозяйствуем, отстающее наше хозяйство. Все нас, рыбников, обгоняют — и полеводы, и виноградари, и животноводы. А почему? Потому что наш брат-рыбак по старинке на свое дело смотрит: он только берет от реки, на иждивении у нее состоит, а, по-моему, рыбак должен хозяином на воде стать, как крестьянин на земле“.

Вот так думать сегодня надо. Или вот еще: „Добыча рыбы у нас на реке падает с каждым годом. А почему? Потому, милый человек, что мы в завтрашний день не глядим, потому что мы хотим жить не сеявши, и потому что любой лов рыбы у нас спокон веку за кражу не считался. Сеять надо рыбу, как полеводы сеют пшеницу, и выращивать рыбу надо, как знатная колхозница выращивает ягнят и поросят“.

Золотые слова. Вот о чем там, на материке, на Азове-батюшке, думают. А у нас на Камчатке? Э-эх! Что говорить — одни сплошные закруткинские талалаевы да держиморды. План! — и баста. Любой ценой. Это же надо такое придумать, до чего додумались секретарь Усть-Камчатского райкома партии Белопотапов и предрайисполкома Рябовский: приказали рыбоохране не выдавать разрешения на лов лососей для гражданского населения, пока район не отрапортует о выполнении плана. То есть оставайтесь люди в зиму без запасов рыбы. Собаки пусть подыхают с голоду без юколы. Срывайся охота. А сам Усть-Камчатск — районный центр — без собак, то есть без собачьего транспорта, оказывайся отрезанным зимой от всего мира. И только ради того, чтобы дать этот план, кстати, завышенный и нереальный.

Насколько же все это бесчеловечно! И как можно было со всем этим согласиться и дать разрешение на отлов рыбы? Прав или неправ коммунист Рубинский? Совесть говорит, что прав, а на сессии райисполкома устроили ведь форменный разгром и обвинили во всех смертных грехах. Врага народа нашли. Прав был и в том, что не пустил колхозников ловить рыбу на устье. Ругали, грозили, пока не вмешался замминистра рыбной промышленности Сухорученко и не запретил промысел в устье. Даром, понятно, все это не прошло — и район, и область предложили инспектору подумать о заслуженном отдыхе — двадцать лет, дескать, охраняешь, пора и на покой, а то этот покой от тебя другим только лишь снится…

…Рубинский с книгой в руках прошелся несколько раз по комнате, обдумывая что-то. И снова сел за стол.

„С другими породами лососевых, — писал он в отчете, — дело обстоит ненамного лучше, чем с нер-

кой, так как последние два года Ушковский рыборазводный завод совершенно не работает. О причинах надо спросить местные власти, которые весьма живо интересуются и заслушивают бесконечное количество докладов о невыполнении планов по добыче рыбы, а поинтересоваться глубже — почему они не выполняют — не удосужился ни один работник района. За последние три года вопрос о работе Ушковского рыборазводного завода на райисполкоме не стоял, и работа его, надо полагать, никого не интересует, в том числе и управление Камчатрыбвода с Главрыбводом вкупе...“».

* * *

Но на этом та главка не заканчивалась. Она имела продолжение, связанная уже с моей работой в Камчатрыбводе и той ситуацией, которая сложилась в Усть-Камчатске в 1985 году

* * *

«... Прошло тридцать пять лет. И все повторилось, как в песне, пропетой заново. В 1950 году Тихон Алексеевич Рубинский был единственным человеком в районе, кто думал о завтрашнем дне. В 1985 году столь же неравный поединок с районными властями пришлось выдержать его коллеге — районному инспектору Усть-Камчатской районной инспекции рыбоохраны (Восточно-Камчатский рыбоохранный район был разделен на три — Мильковский, Усть-Камчатский и Ключевской) Олегу Гавриловичу Кириченко.

За тридцать пять лет кое-что на реке изменилось. Из шести усть-камчатских колхозов был создан один — крупнейший на побережье — колхоз „Путь Ленина“, главной задачей которого было ловить рыбу. Этот колхоз — основа основ экономики района. Всему голова здесь лосось.

И вот что произошло здесь в 1985 году: в реки Западной Камчатки не пришла на нерест горбуша. Это было не просто ЧП: из шестидесяти тысяч запланированных к вылову тонн было поймано — с великим трудом! — лишь три тысячи. Под угрозой срыва оказывался план всей области — и здесь лосось всему голова, а горбуша давала заветную цифру по добыче, как наиболее массовый вид.

— Что же делать? — этот вопрос в тот год задавали все.

— Ловить! — таков был ответ, точно и не могло быть разумных альтернатив. Ловить везде, где еще есть лосось. На востоке — так на востоке. На севере — значит, на севере. На юге — ловите на юге! Где хотите, но чтоб план был!

— А лимиты? — спросили самые осторожные и благоразумные.

— К черту лимиты! Тут пятилетка горит. Народ кормить надо. Даешь план — и баста!

И дали. В два-три раза переловили по всей Камчатке в тот год чавычу, кижуча, кету, нерку.

Единственный, кто в тот год попытался было защитить лососей, — это Кириченко. Рыбаки, как это было указано сверху ответственными партийными и советскими работниками, не слушали распоряжения райинспектора и ловили рыбу, не считаясь ни с чем, как это было заведено здесь до Кириченко. Ловили, не соблюдая границ рыболовных участков, увеличивая чуть ли не в два раза длину сетей, то есть делая все возможное, чтобы вычерпать как можно больше драгоценного лосося, пока он не пришел на нерестилища, чтобы продолжить свой род. В тот год в устье реки Камчатки было оформлено протоколов о нарушениях Правил рыболовства больше, чем по всей области.

Тогда по Кириченко ударила районная печать. Статья называлась „Когда у смежников согласья нет“. Подписана она была псевдонимом.

„Скоро день рыбака, — огорчался ее автор, — но до сих пор нет традиционных для этого времени рапортов бригад о досрочном выполнении квартальных планов и социалистических обязательств“.

Далее журналист-арбитр, как он сам себя именовал, недвусмысленно рекомендовал работникам инспекции сосредоточить все свои усилия на борьбе с браконьерством и оставить в покое рыбаков, озабоченных выполнением Продовольственной программы.

Статья не помогла — Кириченко остался на прежних позициях и продолжал штрафовать рыбаков, внедрять методы регулирования промысла. Тогда вмешался райком партии. На бюро районному инспектору

был объявлен выговор за „бюрократизм и местничество“. „Бюрократизм“ — надо полагать, — принципиальность. „Местничество“ — патриотизм.

Инспектор выдержал и этот удар.

Тогда по нему ударила областная партийная газета, опубликовав с пространным комментарием письмо председателя колхоза „Путь Ленина“ В.И. Калькаева: „В нашем районе существует, мы уточняем — существует, рыбинспекция. Кем же она укомплектована? В ней есть специалист по холодной обработке металла, охотник-любитель, культпросветработник, шофер-продавец и даже один ихтиолог (правда, основной стаж он имеет по работе с карповыми видами).

В районе, а тем более у нас, в рыбной области, большое количество биологов и ихтиологов, которыми должна укомплектовываться, на наш взгляд, эта организация. Какую помощь могут нам принести некомпетентные люди, которых я упоминал, в организации сохранности рыбных запасов и постановке профилактической работы? Всю свою работу они строят на “охоте” за рыбаками колхоза. А легкий доход без хлопот развращает любое предприятие“.

„Экологическое невежество, — столь же лихо закручивал свой комментарий журналист, — как и экологическое равнодушие, сегодня уже не может иметь оправдания“.

Но дело на этом не кончилось.

Против Кириченко возбуждается уголовное дело. Поднимается вопрос о возможности его работы в органах рыбоохраны. Даже о членстве в партии. Заносится строгий выговор в учетную карточку.

Но Кириченко выдержал и это. Невзирая на все оскорбления, унижения и гонения, на попятную он не пошел.

Принципиален, честен. Родился и вырос на реке. С детства охотился и ловил рыбу. Кому, как не ему, возглавить инспекцию рыбоохраны, — примерно такими вот словами за несколько месяцев до конфликта на реке рекомендовал бывший капитан Усть-Камчатского морского торгового порта своего недавнего подчиненного, капитана-наставника Кириченко, на этот новый пост. И стоит ли удивляться, как изменилась

точка зрения на рыбоохрану у бывшего капитана порта — нынешнего председателя колхоза „Путь Ленина“ В.И. Калькаева, когда человек, выросший на реке, оказался неспособен быть в числе ее убийц…

Камчатрыбвод — Камчатское бассейновое управление по охране и воспроизводству рыбных запасов и регулированию рыболовства — вынужден был обратиться в ЦК КПСС…».

* * *

Иван Аркадьевич Купцов, если мне не изменяет память, был в то время заместителем председателя колхоза «Путь Ленина». И он был, понятно, не на нашей стороне.

Тогда мы выиграли это сражение. Но в тот же год Усть-Камчатский рыбоконсервный завод, чтобы не срывать заключительных планов очередной пятилетки, произвел рекордное количество консервов из рыбы, которую колхозники выгребали из недр Камчатского залива, опустошая его рыбные запасы на долгие годы.

Река Камчатка для меня в те годы, а в Камчатрыбводе я проработал шестнадцать лет (с небольшим перерывом в 1992/1993 гг., когда меня уговорили вступить в должность заместителя начальника управления культуры Камчатской области хотя бы на время подготовки и проведения мероприятий, посвященных 250-летию с начала промыслового освоения россиянами Русской Америки) была не просто родной и любимой с детства. Это была еще и моя зона ответственности старшего государственного инспектора отдела рыбоохраны и ежегодно я совершал со своими товарищами из оперативной группы профилактические рейды по реке, проводя проверку промысловых бригад.

А еще раньше, в начале 1980-х годов, неоднократно наведывался к рыбакам и как корреспондент газеты «Камчатский комсомолец».

Время было не простое — как раз в эти годы подтачивался государственный организм Советского Союза, бюрократизировался и обуржуазивался партийный государственный аппарат, возрастала роль блата и блатных, а идея личного обогащения за государственный счет становилась и массовой, и крупномасштабной, и криминальной.

Цель достижения успехов любыми возможными средствами — становилась программной.

Это особенно отчетливо проявлялось в ресурсной сфере, и эти ресурсы не жалели во имя достижения неких символических побед — рекордов социалистических соревнований, закрытия и перекрытия плановых заданий пятилеток.

В долине реки Камчатки было два вида таких ресурсов — рыба и лес.

И к ним относились БЕСПОЩАДНО.

Особенно к рыбе, когда возник икряной бизнес…

Когда у меня вышла книга «Рыбацкая летопись полуострова», в которой я упомянул о хорошем парне, бригадире комсомольско-молодежной рыболовецкой бригаде Мище Косякове, и который в годы рыбацкого беспредела попал в тюрьму, потому что в его бригаде обнаружили «схрон» с бочками икры, кто-то из читателей возмутился этим примером. Вполне вероятно, что Михаила подставили, потому что икряной бизнес к тому времени представлял из себя довольно уже мощное ОПГ, имеющее реальное прикрытие в органах внутренних дел, ОБХСС, партийных органах, КГБ…

Собственно, в это время весь огромный государственный аппарат начинала покрывать ржа стяжательства и мздоимства. Поэтому говорить об этой «золотой эпохе социализма» нужно осторожно, без романтического придыхания, отделяя «мух от котлет», а «зерна от плевел», хотя не каждый из нас, камчатцев, знает, что такое эти самые «плевелы». А это, оказывается, сорняки, как называли их в старину, от которых нужно было очищать зерна.

У нас же в стране социализма эти самые сорняки вырастали на благодатной почте с тех пор, как Никита Хрущев определили новые принципы социализма. Было — каждому по ТРУДУ. И труд в стране социализма был в почете. Стало — по ПОТРЕБНОСТЯМ. И личные потребности начали зашкаливать, и в первую очередь, у тех, кто был во или при власти. Вот тогда и расцвели пышным цветом блат, спекуляция, коррупция…

А жертвами этих рекордов во имя рекордов, чтобы обеспечить в сытости и довольствии свой началь-

ственный «зад», становились, как правило, простые работяги, в первую очередь те из них, кто был идеологически заряжен комсомольским задором… И я сам прошел через это.

Сергей Емельянович Голубоцких, мой земляк, с его сестрой Лидой я учился в одном классе, при нашей последней с ним встрече на рыбалке на Хваленке с обидой (хотя минуло с того времени добрых тридцать лет) вспоминал о моей публикации в газете «Камчатский комсомолец» статьи «Лидер в двух измерениях», написанную на основе разных суждений людей, комментирующих драку бригадира комсомольско-молодежной бригады Сергея Голубоцких, лауреата премии Ленинского комсомола, кавалера ордена Октябрьской революции с одним из членов своей комсомольско-молодежной бригады.

Оценки были сплошь отрицательными. Особенно категоричным было мнение комсорга этой бригады — тоже моего земляка. И райком комсомола, и райком партии были настроены категорически против поступка Сергея.

А ведь что произошло. Признаюсь честно, я и сам все это понял не тогда — с годами, со взрослением, когда некоторая идеологическая дурь выветрилась из головы и на прошлое можно было взглянуть трезво и объективно.

Что произошло?

Комсомольско-молодежные рыболовецкие речные бригады создавались по принципу «абы как, абы кого», чисто формально.

Это не бригады ставного невода, где труд коллективный и всякая, извиняюсь за выражение, «срань» не на виду..

На реке — каждый сам ловит, сам сдает свой улов и сам лично за него отчитывается. А спрашивают с бригадира за ОБЩИЙ итог бригады.

Более того — от бригадира-орденоносца требовалось в обязательном порядке новых столь же обязательных рекордов не от себя лично (он-то лично перекрывал все планы и обязательства) а от комсомольско-молодежной бригады, которая должна была служить обязательным примером.

И Сергей Емельянович вертелся, как уж на сковородке.

А пацаны, набранные в бригаду, не имея, с одной стороны, опыта, а с другой стороны — и желания вкалывать до седьмого пота (а работа, скажу я вам, так как сам лично это проходил — весьма и весьма тяжелая).

Сергей Голубоцких (а это признавали и признают все, кого я знаю) — рыбак от Бога, который на реке с детства. Если не ошибаюсь, они жили в Черном Яру.

И, конечно же, он требовал от своих ребят такой же отдачи, какой требовал от самого себя.

А на его идеологической шее висели райком комсомола, райком партии, обком комсомола, обком партии и ЦК…

И все требовали рекордов, успеха, аплодисментов, торжественных речей — ибо на этом строился их собственный мнимый успех и реальное благосостояние.

И Голубоцких сорвался. Может быть единственный раз. Но идеологически выдержанная пресса, в данном случае в моем лице, дала принципиальную оценку случившемуся и замять скандал было уже нельзя.

Поэтому Сергей Емельянович обижался на меня и мою статью справедливо.

Несмотря на то, что эта статья была честной.

Но, как справедливо писал Сергей Есенин, мой любимый поэт: «Лицом к лицу лица не увидать – больше видится на расстоянии».

И слава Богу, что это увиделось и раскрылось. Я думаю, что Сергей после нашего с ним разговора на Хваленке и моего очерка в книге «Рыбацкая летопись полуострова», ушел в другой мир уже без обиды на меня.

КОРРЕСПОНДЕНТ

Рыбаки-устькамчатцы всегда занимали в моей жизни особое место — это были либо родители моих одноклассников и моих школьных товарищей, либо сами мои эти школьные товарищи, которые начинали трудиться помощниками рыбаков (и я себя однажды попробовал на этом поприще), а потом становились профессиональными рыбаками, с которыми я часто по тем временам встречался на рыбалках.

Но именно рыбаки сыграли в моей жизни и исключительно важную роль в выборе профессии.

Но все по порядку.

Начну с того, что, как и все романтические юноши в определенном возрасте, влюбляясь, ударяются в поэзию — как высший выразитель переполняющих их чувств.

И я не был исключением из этого правила.

И, конечно же, верил в свой поэтические дар, хотя, не буду лукавить, сомнения и одолевали.

Но молодость города берет, и я оказался в редакции районной газеты «Ленинский путь» — единственном месте, где могли бы оценить по достоинству мои поэтические творения и дарования.

Они и оценили — предложили перейти на прозу.

Но сделано это было очень и очень деликатно, тем более что заместитель главного редактора газеты Владимир Михайлович Овчинников учился с моим младшим дядей по материнской линии во второзоводской (а это тоже Усть-Камчатск, в 12 километрах от нашей деревни) школе.

Сам Владимир Михайлович закончил Московский государственный университет и до конца своей жизни был моим наставником, моим учителем, моим старшим товарищем и, несомненно, очень и очень большим моим другом.

Владимир Михайлович угадал во мне будущего писателя и первое, что он мне предложил — начать с зарисовок, то есть с миниатюрных очерков о людях.

И первая моя зарисовка была посвящена старейшему нашему устькамчатскому рыбаку дяде Степану Гранину.

А потом Владимир Михайлович послал мне в первую в моей жизни (а потом ставшие уже бесконечными) командировку.

И я столкнулся там с настоящей жизнью, в которую я тогда НЕ ПОВЕРИЛ, которую НЕ ПРИНЯЛ, которую внутренне ОСУДИЛ.

Об этом эпизоде я рассказываю в своей книге «Рыбацкая летопись полуострова».

* * *

Летом 1970 года меня отправили в первую в моей жизни редакционную командировку. Опять же на рыбалку, к рыбакам в Верхние Щеки.

Конечно, это была рядовая, обычная поездка к рыбакам. Каких у меня было потом много. Но эта Переборка была Первая. Потому и особая. Тогда я с удивлением открыл для себя, что на многое привычное и знакомое с детства можно посмотреть и совсем другими глазами. И, может быть, не будь этой короткой двухдневной командировки я и до сих пор бы не смог увидеть того, чем живу уже многие годы.

Маршрут командировки был сразу ясен — отправлюсь туда, куда ходит ЖК-1245 — речной катер моего друга детства, Виктора Кузнецова, на котором он проходил практику, чтобы набрать необходимый ценз и получить диплом механика. Экипаж «сорок пятого» обслуживал две самые дальние от устья рыбалки — Верхние и Нижние Щеки. Нужно было идти вверх против течения реки несколько часов, так как катер вел за собой еще один или два кунгаса под рыбу. А там, на рыбалке он забирал кунгасы с рыбой, пересыпанной льдом, и доставлял ее на завод.

Меня взяли с собой без особого разговора. Не нужно было показывать и специально отпечатанное для этой цели на бланке редакции временное удостоверение о том, что я являюсь внештатным корреспондентом газеты и потому нужно мне оказывать необходимое содействие. Достаточно было нескольких слов Виктора, да и видели нас вместе уже не раз: какие проблемы, садись, корреспондент, много места не займешь…

Но и Серегой уже, как прежде, не звали, все больше «корреспондент». Самим им, видно, так больше нравилось: «Серега-то, гляди, КОРРЕСПОНДЕНТ!»

«Сорок пятый» отвалил от пристани и пошел резать волну. Десятки раз уже на лодке с пятисильной «Стрелой» поднимался я вдоль этого же берега, но никогда прежде не смотрел я на этот берег так внимательно, стараясь запомнить что-то особое, чтобы потом, если понадобится, описать в своем репортаже или очерке. А так как я совершенно не знал еще, что мне понадобится, то смотрел и думал, как обо всем этом можно рассказать.

Навстречу нашему катеру плыли по воде гигантские бусы рыбацких сетей, играя наплавами, а сами рыбаки в желтых непромокаемых куртках и штанах, сидя у моторов, приветливо махали руками нашему капитану. Перед каждой рыбалкой мы сбавляли ход, чтобы волна, поднимаемая «сорок пятым», не захлестнула рыбацкие лодки, идущие на сдачу, — их борта были из-за рыбы почти вровень с водой: уже пошла на нерест нерка.

На берегу в лодках возились помощники рыбаков — готовились к сплаву, набирая, то есть правильно укладывая сеть в лодке, перекидывая сетное полотно через весло и складывая наплава к наплавам, грузила к грузилам, чтобы потом на реке, когда рыбак выйдет на сплав, сеть проворно, ни за что не цепляясь, сбежала за корму, и ячеистое полотно развернулось в воде, опустив грузила и стала орудием лова чавычи и нерки, которые шли на нерест первыми.

Берег, всегда однообразный весной, на этот раз был для меня совершенно другой. Среди зарослей ольховника и тальника еще лежал островками нерастаявший снег. Сквозь желтую прошлогоднюю траву на солнечных местах пробивались уже зеленые стрелы,в которых еще трудно было разглядеть будущий шеломайник, чемерицу или крапиву. Качались на ветру будылки ириса с коробочками, наполненными коричневой крупой семян, а я уже видел в воображении фиолетовые гребни петушков в обрамлении зеленых длинных листьев-клинков. Мотались из стороны в сторону какие-то желтые лохмотья непонятной травы, а я представлял

уже синие огоньки камчатских тундровых «свечек» — герани. Сено-солома торчала из снега, а мне уже привиделись полевые ромашки с изящными тонкими и длинными лепестками, нежные «звездочки», хрупкие розовые камчатские ландыши. Толком я и не знал названия этих цветов — и придумывал их сам.

За первыми рыбалками — «Усть-Камчатской» и «Девяткой» — километра через четыре была «Николаевская». Не доходя до нее, наш катер брал резко вправо и уходил по фарватеру к противоположному берегу — река здесь намыла такие косы, что их нужно было обходить далеко стороной, чтобы не сесть на мель.

Но я все же успел увидеть, что на рыбалке ничего не изменилось по сравнению с прошлым годом — с той поры, когда я здесь работал помощником. Все тот же домик из двух половин — кухня и спальня. Рядом — вагончик, в котором живет приемщица рыбы. В воде — уже сколько лет! — списанный и брошенный полузатопленный трудяга-катер. Отработал — и бросили. И так везде, по всей Камчатке. На Втором заводе так целый флот из старых судов на берегу. А пришло нынешнее время — весь металлолом растащили, ничего для истории не оставили.

И вечный дядя Боря Ахметов на берегу — постоянно починяющий рыбацкие сети, из года в год, сколько я помню.

А вот и вторая примета реки Камчатки — топляки. Это мой будущий друг, писатель Николай Леонидович Бушнев, как я выяснил через годы, организовал сплав плотов по реке Камчатке, они нередко разбивались, бревна превращались в многочисленные топляки, от которых страдали все на реке, особенно рыбаки: если сеть залетала на такой вот неподъемный топляк — приходилось резать сети. Но еще хуже было, когда сеть попадала на меляк — тогда вообще, как говорится, суши весла…

А вот и Николаевка — родина моих предков. Развалившиеся заброшенные дома, упавшие изгороди, дырявые крыши с худыми ребрами-жердями перекрытий, щелястые покосившиеся сараи, пустые глазницы окон… Жуть… А ведь я помнил это село еще живым. Как и многие другие.

Через несколько километров от Николаевки, на левом берегу, развалины другого села — Черного Яра. Еще через шесть, если уже не ошибаюсь, километров — на правом — останки Березового Яра.

У входа в Щеки видим заброшенную одинокую церковь, которую мне же впоследствии с моими единомышленниками, тем же Николаем Бушневым и Виктором Борисовым, архитектором Виталием Блажевичем, предстоит восстанавливать — это все, что осталось от былой столицы Камчатки — Нижне-Камчатского острога, откуда был открыт путь россиянам в Русскую Америку.

Впрочем, я несколько забежал вперед. Пока мы еще только проходим косы у Николаевки и проходим мимо села. На песчаных косах сидят большие серые с тяжелыми клювами, осоловелые и равнодушные ко всему, чайки. Юркие черноголовые в белых смокингах «мартышки» пикируют на нас с высоты, защищая свои гнезда. Они несут их и высиживают тут же на косах, в обыкновенных ямках, по два–три крапчатых яйца. Чаячата появляются на свет какие-то взлохмаченные (не то что цивильные цыплята), но такие же писклявые. Раньше наши отцы в своем детстве постоянно собирали эти яйца сотнями, но мы уже ими брезговали.

Во время детства наших отцов (по их рассказам) они (а рыбачили все без исключения, так как рыбалка была образом жизни и средством к существованию) как бурлаки на Волге тащили вверх по течению лодки с рыбой, так как моторов тогда еще не было. И сети сами вязали, и на охоту выходили с двумя патронами, но принести должны были четыре утки, и капканы ставили, и пушнину выделывали.

Нам все это было уже в забаву. Я тоже пытался охотиться, но так ни одного пушного зверя и не добыл — а отец лишь посмеивался. А сегодня охотничье ремесло, похоже, вообще изжило себя…

Да и рыбалка моя, честно говоря, тоже больше походила на забаву, чем на настоящее дело. Если те же «пашмурята» всю путину из лодки с отцом не вылезали, готовясь стать (и стали, как, например, Анатолий Пашмуров — бригадир ставного морского невода) профессиональными рыбаками, то я как-то совсем слу-

чайно оказался летом на Николаевской рыбалке — скорее всего мать за рыбой послала сбегать. И вот рыбак, у которого я попросил рыбу, возьми и предложи мне поработать с ним — или найди кого хочешь. Пообещал платить два рубля с центнера. Родители мои были не против, чтобы я поработал и на следующий день я уже приступил к работе в должности помощника рыбака.

Сказать, что я попал к рыбаку, который «колымил» на реке, не могу. Хотя таких хватало. Особенно среди приезжих, которые, как говорили, жилы рвали, работая день и ночь на износ. Помощник у одного из таких, помладше меня, ходил с синяками под глазами и засыпал на ходу.

Мой был совсем другой. Старожилы Усть-Камчатска всегда впо - следствии вспоминали его с доброй улыбкой. Петр Мельников был свой деревенский дед Щукарь. Только молодой. В живых его уже нет, да и не обиделся бы он на меня. Любил посмеяться, прихвастнуть, сбрехнуть… Любил и поспать, так что я с ним сильно не перерабатывал.

Но и не любил отставать — поэтому сказать, чтобы он лодыря гонял, было бы несправедливо. Бывало так: жарит солнце, млеет река, не рыбалка — одно удовольствие, а Петро заводит мотор и отправляется домой, к жене.

Другие же в этот день успевают и по основному руслу, и за островком процедить — глядишь пару-тройку центнеров чавычи с неркой взяли.

Мы же отдыхаем — ведь солнце в Усть-Камчатске — это такая редкость!

А потом вдруг (!!!) погода сломалась — и пошли дожди с ветром. Волна гуляет, бьет в лицо. Зябко — руки стынут. Добрый хозяин и собаку на улицу не выгонит, а мы с Петей идем на сплав. Только мы с Петей (да еще тот с синякастым своим помощником) выползаем на белый свет, в мокрень и холод.

Пока сплавляемся — еще полбеды: идем по течению, мотор работает на «малом», ветер дует в спину, да и лодка еще пустая — борта приподняты над водой высоко — волна их не захлестывает. А начали вытаскивать сеть — и пошло-поехало: волна в лицо, дождь в лицо вместе с ветром, а борта лодки с каждой новой

рыбиной все больше и больше погружаются в воду, опускаясь все ниже и ниже. Но вот, наконец, затащили в лодку буй, развернулись и повернули к стану — и вот тут самое интересное началось, как только чуть газу дали. Лодка то грудью волну гребет, словно хочет ее разгладить, то взлетает вверх и плюхается вниз всем дном, зарывается носом в волну, задирая корму, и винт нашего «Вихря» выскакивает из воды, мотор ревет благим матом пока снова не погружается в воду. Петр гонит меня в самый нос лодки, а самого на корме омывает со всех сторон. Он только утирается и смеется.

Доползаем до рыбалки и начинается чисто моя главная работа — выпутывать рыбу и набирать сеть для нового сплава.

А рыба, естественно, скользкая, руки замерзшие, рыбина выскальзывает, сквозь ячею не проходит, нужно распутывать мокрую дель, пальцы уже от холода не гнутся, хлюпаешь носом и проклинаешь тот день, когда нечистая принесла тебя на эту николаевскую рыбалку к Пете…

Выпутал наконец, слава богу, последнюю рыбину. Набрал сеть. Теперь можно и в тепло, на кухню, где круглосуточно топится печь и есть кипяток. На столе обычный набор — икра, масло, сгущенка, хлеб, жареная рыба… А аппетит, разумеется, зверский.

Петя не торопит. Терпеливо ждет пока я согреюсь и наемся. И мы снова выходим в эту мокреть и слякоть. Пока не займем свое трудовое место в золотой середине. Теперь можно и отдыхать.

И вот одну очередь проспали. Другую… Имеем право!

Народ смеется — а Петру хоть бы что!

А снова выглянуло солнце — он мчится домой, чтобы отдохнуть с семьей, выехать в тундру на мотоцикле.

Выходной — тоже норовит улизнуть, если бригадира рядом нет, который может отматюкать: какой во время путины может быть выходной…

Смешной он был, Петр Мельников, а вспоминаю я его всегда с симпатией. Да и старики на рыбалке хотя и считали все его чудачества дуростью, но без злобы, по-доброму, по-свойски. А вот на того рыбака, что и себя, и помощника гробил, косились. Не любили его.

Впрочем, и он сам никого не любил. Ему про свою нелюбовь никто ничего не говорил, а вот кличку дали не сговариваясь — Зверь.

С Петром мы проработали не так и много — до Дня рыбака. А там меня призвал к себе комсомол — я был его активным резервом — и отправили на учебу в далекое Забайкалье. А вернулся, когда уже каникулы заканчивались.

…Пока вспоминал все это, наш катер прошел и те места, что были связаны с Ярами — Черным и Березовым, от которых осталась одна память в названиях, и вошел в Щеки. Здесь климат совершенно другой — материковский, резко континентальный. Жарит солнце. Сырое дыхание океана не преодолевает хребет Кумроч и потому здесь постоянно тепло и солнечно. По сопкам разгуливает пьяный лес — это каменные березы на вершинах сопок, где постоянно дует верховой ветер, изогнулись в причудливых позах, словно шаманят. Вид — обалденный. В ложбинках тоже еще лежит кое-где снег. Но березы, в отличие от серых ольшаников и тальников, уже в зеленой дымке проклюнувшейся листвы. Кое-где на берегу я потом обнаружу уже и первую черемшу — наш камчатский, обалденно вкусный, дикий чеснок.

А воздух здесь — даже на катере ощущаешь: парной, чуть горьковатый и сладкий. Бригадир верхнещекинской рыбалки (наш же деревенский, бывший камаковский, дядя Ваня) Расторгуев обстоятельно докладывает корреспонденту промысловую обстановку. А меня, хотя я представлял себе эту первую рабочую встречу в самых разных творческих ракурсах, хватило только на три вопроса:

— Как рыбалка?

— Какая там рыбалка?! Нет еще вверху рыбы —ловим штучно, поймали вон с центнер бригадой и все. Главная рыба впереди.

— Условия работы? — Нормальные. Все есть, ни на что не жалуемся.

— Есть ли у вас какие вопросы, проблемы, которые вы бы хотели поставить или решить через газету?

— Нет, таких нет. Все вопросы появятся, когда рыба будет…

Хорошо, что я остался в тот день на ночевку с рыбаками, а не ушел с Виктором на катере назад. А хотел ведь — казалось, что и спросить больше не о чем. И так все ясно — рыбалка еще толком и не началась. Творческая неудача, короче, и все…

Самое же интересное и важное для меня было впереди. Я стеснялся взрослых рыбаков, и когда они мне предложили поужинать, стал отказываться — мол, не голоден, на катере накормили… Они, конечно, все поняли — наварганили мне полную миску ухи из первой чавычи, рядом поставили вторую такую же огромную миску с тушеной картошкой, и, таким образом, я оказался за общим столом.

И вот тут я только успевал ворочать ложкой, чтобы не оказаться слабаком, и слушал, о чем говорили между собой рыбаки. Разговор же, как принято это говорить, был не для печати. И не специально для меня — просто обычный разговор рыбаков за ужином перед сном. Отматерили они сначала дружно и всласть начальство за то, что ему только план подавай и ни о чем другом оно слышать не желает. В сердцах прошлись по колхозному своему «зверью» — все лучшие рыбные места захватили и, конечно же, дают этот план при любых расценках, а тут хоть костьми ложись, чтобы его выполнить. В Щеках этого «зверья» не было — здесь больших денег не заработаешь. Рыба в Щеках поздняя, не то, что в устье. Сортность ее, к тому же, ниже — пока по солнцу до завода довезут никакой лед не поможет — корочкой покроется, спечется.А расценки почти одни и те же — что в устье, что вверху.

А рыба — говорили в тот вечер рыбаки — убывает и убывает. Раньше ловили с пропускными днями, по-людски, а сейчас приказ — не смей рыбу пропускать, делай план… Ну и возьмешь ее всю — а завтра без рыбы вообще останешься. Кому это нужно? Начальству — чтобы ему под зад кресло повыше?! «Зверью» — чтоб денег кучу и орденов во всю грудь. А нам, рыбакам, куда потом податься? Тылов у нас нет. Домов по материкам не оставили, не нажили. То, что было в Камаках, Нижнем, Черном, Березовом, Николаевке — посгнило уже, поди, в землю ушло… Уже и сыны наши на реку не идут — кому охота мантулиться за копейку,

наживать ревматизм, если на стройке той же до тыщи в месяц выходит — и не надрываешься, два выходных, в кино по вечерам, на чистой постели поспишь, а не в кукуле под пологом от комаров…

Честно говоря, в тот вечер вряд ли я считал этот разговор рыбаков важным и первостепенным. Воспитанный на «утрапатриотизме», примерный школьник и комсомолец-активист, я фиксировал в памяти, прежде всего, все то, что по моему мнению, мешало героям моего будущего очерка стать настоящими героями труда, выполнять и перевыполнять план, ставить стахановские рекорды.

На рыбалке «Верхние Щеки» рыбачили в основном люди пожилые, из местных, неторопливые, степенные, очень земные. Это были мои земляки, которые привыкли жить по правилам, установленными еще их предками камчадалами. В старину обязательно существовали пропускные для рыбы дни — ведь не для плана, а для продолжения жизни ловили рыбу и прекрасно отдавали себе отчет в том, что ежели переловишь эту рыбу — сократишь жизнь и себе, и ро́дникам (родне своей), обречешь их на мучительную голодную смерть. Веками созревали, как жемчуг в раковине-жемчужнице, эти принципы и правила, закрепляясь в душах, и не так просто было выколупнуть из моих стариков этот жемчуг житейской мудрости — вот и сплавляли их подальше от большой рыбалки на обочину, чтобы и мороки с ними было поменьше и не слышать, как честят они начальство и мешают выполнять колхозу государственный план по вылову рыбы.

Это, опять же, сегодняшнее мое понимание. Тогда же, слушая рыбаков, я искал и не находил в них главного — героического поиска решений по выполнению взятых социалистических обязательств, озабоченности о том, как его перекрыть, поймать столько рыбы, сколько еще никто и никогда не ловил. Они вместо этого на чем свет кляли, наоборот, тех, кто этим планом и был озабочен — начальство свое и «зверье»…

На стороне «зверья» было здоровье и сила, на стороне моих стариков, чего я тогда не понял,—богатейший опыт, мудрость и профессиональное мастерство.

— Почему они такие равнодушные? — думал я, ожидая, когда старики все-таки заговорят о том, как им выйти вперед в социалистическом соревновании, и я отражу этот их «порыв» в своем «сочинении».

А они по-прежнему говорили совсем о другом — о том, что рыбы стало мало, что ее нужно беречь, меньше ловить, больше пропускать…

Ударный репортаж о начале путины явно не ложился в героический трафарет. А так хотелось…

Попросился с рыбаками на сплав. Думал, что там почувствую напряжение рыбацких буден. Взял меня с собой один старичок-татарин. В его лодке я был только гостем — попросился помочь, но получил отказ, не мешай уж…

Было скучно. И я уже с нетерпением ждал прихода катера. И потому, наверное, из опубликованного в газете первого в моей жизни репортажа не появилось всего того, что я в действительности увидел, услышал и ощутил».

Но именно тогда, в тот далекий 1970-й год, запомнив НА ВСЮ ЖИЗНЬ все то, что говорили при мне рыбаки, я и сделал этот свой первый шаг, чтобы стать сначала профессиональным журналистом, а потом писателем…

Я РОДОМ ИЗ ЯПОНИИ.

Я не собирался быть кинематографистом, тем более членом Союза кинематографистов, каким неожиданно, к собственному изумлению, стал даже на год раньше, чем меня приняли в члены Союза писателей России.

Правда, могло быть и наоборот.

Дело в том, что у нас с Леонидом Михайловичем Пасенюком, замечательным писателем и путешественником, автором десятков очерков и книг, в том числе и о Камчатке и Командорских островах, случилось некое литературно-историческое перекрестие, о котором я начал говорить выше.

И он, и я занимались историей знаменитого Большерецкого бунта 1771 года. Леонида Михайловича больше интересовала личность величайшего (мирового уровня) авантюриста Беньевского, который этот бунт возглавил. А меня интересовали сами участники этого бунта — ссыльные люди, промышленники-зверобои и местные жители, в том числе и коренные камчадалы…

И наши интересы совпали. И Леонид Михайлович обратил внимание на мое творчество. Он не был первым. Первым, с позиций писателя и краеведа, обратил на меня внимание Георгий Германович Поротов. Но его вскоре не стало и больше никто особо из писателей не интересовался тем, чем я занимаюсь. Высокую оценку моим работал дал в свое время Валерий Мартыненко — но мы с ним в Союз писателей были приняты в один и тот же день с одним и тем же — положительным — результатом, то есть по весовой писательской категории были, скажем так, равными.

А вот Леонид Михайлович Пасенюк был рангом значительно более высокого уровня, и он написал мне рекомендацию гораздо раньше.

Но, при этом сказал: «Я знаю, что ты ее не примешь?»

Я даже растерялся:

— Как это — не приму от вас.

— Не примешь. Я член Союза российских писателей. А ты мечтаешь о Союзе писателей России.

Леонид Михайлович тем самым выдал себя — в годы перестройки, когда люди выражали свое негодование по поводу той лжи и тех двойных стандартов, связанных с партийной элитой (в том числе и в творческих кругах), создавались некие альтернативы существующим организациям (в том числе и Союзу писателей СССР), и в водоворот этих событий попал и Леонид Михайлович и некоторые другие наши камчатские писатели, которые потом об этом очень жалели, но «поступиться принципами» уже не могли…И Леонид Михайлович жалел о своем том (непродуманном и непростительном для него самого) решении. И в подоплеке этого нашего разговора все это и раскрылось – мне, своему литературному товарищу, Леонид Михайлович НЕ ЖЕЛАЛ вступления в тот Союз, в котором он, волею судьбы и времени, оказался.

Это что касается Союза писателей.

А с документальным кино случилось все так же — по велению времени и судьбы.

К середине 1990-х годов роль печатных изданий упала практически до нуля — они уже не вызывали того политического ажиотажа, какой требовался либералам, чтобы заполнить пустоты в наших обывательских мозгах.

Я в это время руководил пресс-центром Камчатрыбвода — бассейновым управлением по охране и воспроизводству рыбных запасов и регулированию рыболовства, — значение которого в рыбной отрасли страны было ПЕРВОСТЕПЕННЫМ, так как в подконтрольном нами бассейне вели промысел все дальневосточные предприятия, а также рыбаки целого ряд стран.

И наш пресс-центр соответствовал задачам того времени — мы издавали свой журнал «Северная Пацифика» (который по оценке Союза журналистов России был признан лучшим «зеленым» журналом страны в 2000 году), мы издавали свою газету «Тихоокеанский вестник», у нас появился свой сайт — www.fishkamchatka.ru, но главную свою работу тогда

мы перенесли с печатных изданий на телевидение и документальное кино.

Наши документальные фильмы «Охотоморский многоугольник» и «Крабовая лихорадка» были удостоены высшей награды – премии «Золотой краб» — в номинации «Публицистика» на международном фестивале «Человек и море».

Но еще раньше мы совершенно случайно познакомились с человеком, который меня заочно уже хорошо знал и наблюдал со стороны за моей творческой деятельностью.

А случилось это в американском консульстве во Владивостоке, где я оформлял себе со старшим своим сыном Алексеем визу в США по вызову на конференцию по Берингову морю заместителя председателя Комитета по рыболовству России, экс-министра рыбного хозяйства СССР Вячеслава Константиновича Зиланова. С документами все было в порядке, но что-то забеспокоило американцев по поводу моего несовершеннолетнего тогда еще сына, студента иняза, которого я брал с собой в Америку в качестве переводчика.

Я горячился и тем самым привлек к себе внимание.

И после ко мне подошел человек, который представился, и мы познакомились.

Это был Геннадий Никифорович Лысяков, бессменный в течение многих лет руководитель Дальневосточного филиала Союза кинематографистов и СССР, и России, лауреат Государственной премии РСФСР имени братьев Васильевых, один из сильнейших наших дальневосточников-документалистов, автор многих фильмов о Камчатке, в том числе и о рыбацкой Камчатке. Именно он и рекомендовал меня в Союз кинематографистов и привез из Москвы билет, подписанный тогда еще Сергеем Соловьевым, а новый билет позже был подписан уже Никитой Михалковым.

И позже Геннадий Никифорович стал не только моим другом, но и главным оператором на съемках самого главного в моей жизни фильма — «Я родом из Японии», который впоследствии мы ваяли вместе с замечательным режиссером и еще одним моим моим другом Валерием Дмитриевичем Горбиковым.

Фильм «Я родом из Японии» — это апофеоз той человеконенавистнической позиции власти, которая родилась в результате того, что партийно-номенклатурная алчность и мздоимство уже перешагнули барьеры допустимого в отношении собственного народа и первой жертвой всего этого стал мой несчастный Усть-Камчатск, наша любимая деревенька и люди, в ней проживающие.

Что значит перешагнули «барьеры допустимого»?

Сегодня мало кто знает о причинах того, почему не только все окрестные села, но и 9/10 всех поселений на Камчатке, особенно на побережьях, существовавших к середине 1950-х годов, исчезли с карты Камчатской области.

Да, по времени этот период совпал с не менее страшным по своим демографическим последствиям экспериментом по закрытию неперспективных сел и деревень и экономическому укрупнению хозяйств. Еще никто не оценил реальных демографических последствий, когда в СССР были уничтожены СОТНИ ТЫСЯЧ сел и деревень традиционного проживания людей разных национальностей, жители которых вынуждены были покидать родные места.

На Камчатке же закрывались предприятия, в том числе и те, которые были построены только что с «нуля» или провели капитальный ремонт, прошли модернизацию…

И причина здесь была вовсе не в чудовищном эксперименте советских академиков, а в предательстве интересов страны ее первым руководителем — Никитой Сергеевичем Хрущевым, который не только пообещал японцам вернуть им часть Курильских островов в обмен на вечную дружбу, но и открыл японцам свободный доступ к нашим национальным ресурсам — лососю, разрешив вести японцам морской дрифтерный промысел на путях миграции дальневосточного (в первую очередь камчатского) лосося.

И наши предприятия, высокотехнологичные, суперсовременные, абсолютно прибыльные, приносящие стране живую валюту, закрывались один за другим, консервировались на, как выяснилось, вечные времена, рыбацкие поселки угасали и закрывались,

люди разъезжались… И все это происходило по очень простой причине — не было больше РЫБЫ для ее промышленного лова и производства золотовалютных консервов.

Геннадий Шапран, мой земляк, вспоминал, что в 1970 годах нерку в колхозе «Путь Ленина» им даже в плановые показатели не записывали, так как она стала редким видом — столь тщательно японцы отцеживали ее дрифтерными сетями на путях миграции.

И в середине 1960-х годов один за другим начали закрываться села вокруг нас – Камаки, Нижнекамчатск, Березовый Яр, Черный Яр, Николаевка и заводы — Второй Усть-Камчатский, Шубертово, Ничира.

И так по всей Камчатке.

Но мы говорим сейчас о своих земляках, которые съехались в нашу деревню, ибо здесь освободилось большое количество домов и квартир в связи с тем, что начальство переехало в специально для него построенный новый райцентр, новый Усть-Камчатск, который, в отличие от нашей «деревни», получил в народе название Новый поселок.

Но все это вынужденное переселение было КАК БЫ в пределах некой нормы – государственной (пусть даже и неразумной, но) воли, когда людьми распоряжались, основываясь на каких-то (пусть даже мнимых, пусть даже ложных, пусть даже фальшивых и даже предательских, если по сути) государственных интересах.

Но то, что случилось с моим родным Усть-Камчатском, и о чем я рассказываю в своем фильме «Я родом из Японии» вышло за пределы этих самых барьеров допустимого.

Почему я так назвал этот свой фильм – я ведь не родился в Японии и у меня там не было и нет никаких родственников.

Но я был в Японии. И не раз. В Нагасаки – на русском мемориальном кладбище. В Токио. Объездил практически весь остров Хоккайдо.

И увидел там то, что что БЫЛО потеряно или утрачено, забыто или заброшено на моей любимой Родине.

То самое, о чем писал Александр Сергеевич Пушкин и что мы утратили (надеюсь, не безнадежно):

Два чувства дивно близки нам —
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

Животворящая святыня!
Земля была б без них мертва,
Как пустыня
И как алтарь без божества.

Земля без исторической памяти, без исторического наследия – это чужая земля, которую НЕ ЖАЛКО ни потерять, ни продать, ни отдать врагу…

И многие десятилетия враждебная нашей стране Япония, с которой воевал и на которой был тяжело ранен мой отец, оказалась, по своему отношению к родному пепелищу и родным гробам гораздо мне духовно ближе, чем собственная страна, которая это МОЕ наследие разрушала и уничтожала.

И что же случилось?

Чтобы понять ту ситуацию, которая сложилась к началу 1980-х годов, нужно вспомнить о трагических событиях 1923 года, кода цунами (гигантская волна) обрушилась на Дембиевскую косу, где располагался рыбоконсервный завод Дембиевский, который был полностью разрушен. Были и человеческие жертвы.

До нашей деревни волна не дошла, и поэтому эта территория в цунамиопасную зону не входила.

И это очень важно для последующего рассказа.

В 1970-х годах было принято решение и выделены гигантские средства на переселение жителей бывшей Дембиевской (а теперь уже Первозаводской косы, где в 1927 году был построен Первый советский рыбоконсервный завод и народ быстро забыл прежнее название косы) на новое место (в том числе — и это очень выажно! — переселение части населения НА МАТЕРИК). Согласно этому гигантскому плану, должны были перенести на новое место и Усть-Камчатский РКЗ.

Для будущего города на болотах в районе мыса Погодного насыпали огромную песчаную площадку. Вторую площадку подготовили и для переноса завода.

Но значительную часть государственных средств бездарно (а может и не бездарно) потратили. Не бездарно в той ее части — которую пустили на жилищное строительство на материке, где собственниками новых квартир стали сами районные начальники, их родственники и «нужные им люди».

У программы вывода жителей и предприятий из цунамиопасной зоны были, естественно, обозначены конечные сроки ее реализации.

И эти сроки подошли к концу.

Москва требовала отчета. А завод как стоял на бывшей Дембиевской косе, так и остался стоять (по сей день). Да и жителей Первозаводской косы — работников этого завода, никто особо не тревожил, и не перевозил на другую сторону протоки Озерной никого из их бараков…

А Москва требовала отчета…

И тогда аферисты из райисполкома во главе с заместителем ее председателя некой дамы с символической малороссийской фамилией Шевченко и ее сподручными придумали весьма простой по замыслу и совершенно дикий по исполнению выход из этой, криминальной де-юре и де-факто, ситуации.

Простота же заключалось в том, что Москве, разумеется, совершенно неведомо было, что Усть-Камчатск, на самом деле, представляет из себя не один, а несколько разных поселков.

Считаем.

Первый завод (находящийся в цунамиопасной зоне) — раз.

Варгановка — два.

Новый поселок — три.

Городок на Погодном — четыре.

И наша деревня — пять.

И аферисты из райисполкома решают просто поменять местами Усть-Камчатск под номером один на номер пять.

Кто же об этом обмене в Москве догадается?!

Но тогда встал другой вопрос: а как заставить переселиться деревенских жителей в город на мысе Погодном, если сами жители НИКАКОГО согласия на это переселение не давали?

А просто, — решила дама из райисполкома, — сделаем так, что этим людям возвращаться, кроме как на Погодный, будет некуда.

И однажды, в будний день, в глубочайшей тайне от жителей старинного русского поселения на восточной окраине Российского государства, пользуясь тем, что большинство из жителей находились на работе, на правый берег реки доставили бульдозеры, и они пошли крошить дома, обрушивая стены, чтобы людям, ДЕЙСТВИТЕЛЬНО, некуда было больше возвращаться…

В моем родном доме вышибли стену, бабушкин дом разрушили до основания…

Не добрались только до тех домов, где их хозяева, оказавшиеся в это время в деревне, вставали перед этими бульдозерами (но были случаи, когда рушили дома, а там находились люди — и это не останавливало). И не смогли они преодолеть только речку Банную (кстати, до которой в 1923 году только и докатилась волна-цунами) — и вся улица Гвардейская осталась на счастье и радость ее жителям целехонькой.

Вся центральная часть села была разрушена. Сохранились (точнее были восстановлены) лишь редкие дома.

Вынужденные переселенцы оказались жителями города на песке — ни кустика вокруг, ни травинки — голое поле с пятиэтажками. Старики, привычные к своему хозяйству и трудовому образу жизни, теперь, лишенные всего этого, затосковали и начали один за другим покидать эту горькую для них жизнь, связанную с постоянной потерей, постоянной утратой не только родного дома, родного пепелища, но и человеческого достоинства, попранного властью только потому, что нужно было замолить собственные грехи.

Позже, годы спустя, вице-губернатор Камчатской области Борис Петрович Синченко, баллотируясь на должность губернатора, в интервью, которое он давал журналистам, упомянет и о событиях, о которых рассказано в моем фильме. Он, тогда бывший председатель Усть-Камчатского райисполкома того самого времени, скажет, что СОЖАЛЕЛ о том, что все так случилось.

Я не знаю, не занимался расследованием этого дела, и потому не могу судить о роли самого Бориса Петровича в том, кто руководил уничтожением моей деревни, старинного Усть-Камчатска, основанного Витусом Берингом и его товарищами.

Но меня покоробило это слово — СОЖАЛЕЛ…

ЗЕМЛЯКИ

О моих земляках, и о моей родной деревне (которая деревней- то никогда и не была — портпункт Нижнекеамчатска, казачий пост, село, поселок) я в свое время написал книгу «Деревенька моя, Усть-Камчатск», чтобы сохранить хоть малую часть того исторического наследия, которое было столь бездумно и бездушно выброшено на свалку истории.

Самый первый человек, с которым мы подружились после переезда нашей семьи в Усть-Камчатск, была девочка, моя ровесница, которая также, как и я, не ходила в детский сад.

Это была Валя Иващенко, дочь дяди Андрея, который, по-моему, был начальником райфинотдела, и позже их семья, как и все начальство, тоже перебралась в Новый поселок.

Потом мы сдружились с Толей Бондаренко. Он был моим одноклассником. У него отец заведовал рыбкоопом. И я Толику страшно завидовал — у них в доме был шкаф, полностью заполненный дефицитными по тем временам… книгами, которых я не читал, потому что их не было в нашей сельской библиотеке — все лучшее было вывезено в новый райцентр. Толик, по-моему, к этим книгам был совершенно равнодушен. Но может я и ошибаюсь. Но ни одной книги из их коллекции мне дать почитать не позволили. И они стояли парадными рядками, нарядные в своей книжной девственности. А потом отца Толика перевели, кажется, в Ключи и более мы уже никогда с ним больше не виделись.

Летом меня отправляли к бабушке — Елене Никитичне Сторожевой — на Второй завод, где, конечно же, я сразу подружился с местными ребятами — отчаянными и заводными. Атаманом среди них была Вася Ушенин — родной брат Любови Литвин, которая сегодня руководит усткамчатскими пенсионерами. Вася трагически погиб, катаясь во время рабочего перерыва на конвейерной консервной линии, зажевавшей его рубашку… Позже Валера Черных, второй из этой команды, с которым мы дружим и по сию пору, нашел

Васину могилу (сохранилась пластинка из нержавейки с именем) — и мы побывали с супругой на Втором заводе, от которого к тому времени практически ничего уже не осталось — кроме (на удивление, единственного — но БАБУШКИНОГО! — дома на морской стороне), и помянули нашего друга детства.

В 1961 году, когда мы пошли в первый класс, — нас распределили на А и Б — так было нас много.

Десятый класс закончило шестнадцать человек. Из тех, с кем мы пришли в первый класс к первой своей и любимой учительнице Тамаре Семеновне Чистяковой, из мальчишек я остался один, из девчонок — Валя Суркова, Люба Артамонова, Лиля Павлова, Люда Гранина, Вера Суконщикова. Из «А» — Люба Швайковская и Нина Швидкий. На Камчатке, в Елизово, живет только Люба Артамонова. Все остальные — на материке.

Из моих одноклассников, с которыми мы закончили школу, только двое сейчас живут в Усть-Камчатске — Наташа Мельникова (сейчас Добровольская) и Павел Степанов, с которым в школьные годы мы часто бродили по окрестным озерам с ружьями.

С одной из своих одноклассниц — Наташей Докукиной (теперь Дубровиной) мы хоть и встречаемся не часто, но живем соседними дворами — и видимся через забор. Но так как я часто бываю в разъездах, то и видится приходится от случая к случаю.

Из пяти мальчишек одноклассников нет с нами уже двоих — Леши Ивченко и Лени Кийко. Володя Марусич, третий наш товарищ-одноклассник, — сын военного и, вероятно, продолжил эту династию, но о нем мы ничего не знаем. Как и о Татьяне Родионовой, тоже из семьи военнослужащих, одной из самых сильных учениц нашего класса.

Сейчас, когда я (уже довольно редко) бываю в Усть-Камчатске, то почти не вижу знакомых лиц. Наших, деревенских, осталось очень мало и они потерялись среди пришлого люда, которые приехали в Усть-Камчатск на сезон-другой, но сколотили свой бизнес вокруг (очень часто) бюджетных средств или рыбы, вошли во власть и диктуют свои законы, в том числе и по сохранению самого нашего святого — культурно-исторического наследия.

В фильме «Я родом из Японии» удалось записать родителей моих одноклассников и друзей-товарищей — и отца Вити Кузнецова – дядю Ганю, матерей Вали Сурковой, Любы Артамоновой, Сергея Маркова…

И для нас они останутся навсегда, пока будет сохраняться этот фильм, живыми…

ПОСЛЕСЛОВИЕ

К горькому сожалению, мой Усть-Камчатск, моя малая Родина, родина моих предков, — и деревня и Второй завод — исчезли с лица земли. То, что моим землякам удалось сохранить, — жалкие остатки былого.

Конечно, теперь есть другой Усть-Камчатск.

Не тот, который я застал в 1998 году в период энергетического кризиса.

Это сейчас красивый уютный городок с прекрасной парковой зоной.

Люди успешно потрудились над его обликом и из обшарпанных домов и дворов, заполненных в те годы огромными трех- и пятитонными контейнерами для бегства с Камчатки, теперь стоят шикарные джипы.

На Первозаводской косе, так и не переселенной из цунамиопасной зоны, построено несколько суперсовременных заводов по переработке лососей, вырабатывающих продукцию экстра-класса.

И это замечательно.

Возможно, что когда-нибудь в Усть-Камчатске вспомнят и о том, что у этого старинного русского поселения в устье реки Камчатки есть также и своя ИСТОРИЯ…